

## Экскуссия - иммунитетъ въ Византійской имперіи.

Своеобразное явленіе, носящее опредѣленное названіе экскуссіи и наблюдаемое въ особаго рода документахъ, въ «златопечатныхъ» грамотахъ византійскихъ императоровъ (хрисовулахъ), давно уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей <sup>1)</sup>. Несмотря однако на признанную важность его въ исторіи «феодализма» въ Византіи и феодальнаго строя вообще, оно остается и до сихъ поръ слабо разслѣдованнымъ и въ своей сущности, и особенно въ своемъ происхожденіи. Съ достаточной опредѣленностью установлено только, что византійская экскуссия, какъ опредѣленный комплексъ льготъ и изъятій, предоставлявшихся почти исключительно монастырямъ, есть учрежденіе, аналогичное западно-европейскому средневѣковому иммунитету <sup>2)</sup>. Богатый матеріалъ императорскихъ льготныхъ грамотъ монастырямъ, заключенный въ до сихъ поръ еще не вполне использованныхъ *Acta et diplomata graeca medii aevi, Collecta ed. Fr. Miklosich et I. Müller* (тт. IV, V, VI), съ безусловной убѣдительностью обнаружилъ постоянство «экскуссіи», какъ общественнаго института съ опредѣленнымъ составомъ, устойчивой терминологіей и однообразными условіями пожалованія, сближающими ее съ западно-европейскимъ иммунитетомъ. Такъ же, какъ и послѣдній, экскуссия создавала для получав-

---

1) См старыя работы, собственно, дипломатическаго характера: Н. Е. Dirksen—Die goldenen Kaizer-Bullen der Byzantiner — во *Итомъ его Hinterlassene Schriften*, Leipzig 1871; Zachariae v. Lingenthal въ *Зап. Спб. Академіи Наукъ*, т. 41; болѣе новыя: Н. С. Суворовъ — разборъ труда Grénier—*L'empire byzantin* въ *Визант. Врем.* т. XII, стр. 199 - 233.; П. А. Яковенко — *Къ исторіи иммунитета въ Византіи*, Юрьевъ 1908.

2) См. еще Б. А. Панченко — *Крестьянская собственность въ Византіи, passim*; Platon—*Observations sur le droit «протѣмѣσις»*. въ *Révue générale du droit français et étranger*—т. 27, стр. 305.

шаго ее извѣстную податную и судебно - административную независимость; такъ же давалась большей частью по просьбѣ желавшаго ее получить и со стороны дававшаго (верховой власти) являлась актомъ милости и благоволенія, объявлялась ненарушимой на вѣчныя времена. Въ хрисовулахъ византійскихъ императоровъ, содержащихъ пожалованіе экскуссіи, мы застаемъ на первомъ мѣстѣ обыкновенно то же, что и въ западныхъ дипломахъ—воспрещеніе доступа агентамъ государственной власти во владѣнія пожалованія для выполненія тамъ своихъ должностныхъ обязанностей. Такой запретъ въ результатѣ выдѣлялъ иммунное владѣніе изъ мѣстнаго управленія. Въ византійскихъ грамотахъ часто прямо и указанъ этотъ смыслъ воспрещенія, чего мы не находимъ въ западно-европейскихъ дипломахъ. Въ то же время, тогда какъ въ послѣднихъ нѣтъ перечисленія тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ запрещается входъ (*introitus*) и огуломъ называются *judices*, въ византійскихъ хрисовулахъ *по большей части* аккуратно обозначены практоры и податные чиновники, а то и судьи, военныя начальники, справщики, дозорщики, переписчики, энергиты, дуки, примикирии, катепаны и т. д. Въ хрисовулахъ, относящихся къ XI в., т. е. въ наиболѣе раннихъ изъ опубликованныхъ въ *Acta Graeca*, въ заключительной ихъ части обыкновенно перечислены должностныя лица, которымъ запрещается нарушеніе изъятій, предоставленныхъ грамотой монастырю <sup>1)</sup>, а въ силу этого преграждался и доступъ сюда вообще. Необходимо далѣе отмѣтить повторность подтвержденія льготъ и изъятій, сближающую восточный и западный иммунитетъ. На ряду съ этимъ обнаруживаются и расхожденія между ними: западные дипломы никогда не достигали такой точной и детализированной регламентаціи льготъ и тѣхъ лицъ, на которыхъ онѣ простираются, какъ византійскіе хрисовулы. Будучи жалованы почти исключительно монастырямъ, они тщательно перечисляютъ круги лицъ, захваченныхъ въ экскуссію: монаховъ и париковъ, живущихъ на монастырскихъ земляхъ, причемъ послѣдніе иногда названы поименно <sup>2)</sup>. Но несходства и колебанія эти не таковы, однако, чтобы они могли ослабить убѣжденіе въ юридической близости, если не тождественности экскуссіи и иммунитета—тѣмъ болѣе, что въ составѣ ихъ замѣтно разнообразіе, вполне понятное въ развивавшихся институтахъ на протяжении

1) Эта часть начинается съ установившейся формулы: *διὸ παρεγγυώμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροῦς... κτλ'.*

2) Miki-Mull. *Acta Graeca* V, 279, VI, 252.

нѣсколькихъ вѣковъ. И такимъ образомъ экскуссія выясняется какъ могучее и вліятельное общественное явленіе въ государственномъ строѣ Византійской имперіи, наличность и сила котораго свидѣтельствуесть о значительности феодализирующихъ теченій въ жизни имперіи.

Самый терминъ—*ἐξκούσσεια* (отсюда глаголы: *ἐξκούσσειεῖν*, *ἐξκούσσειέσθαι*)—чрезвычайно характеренъ и выразителенъ. Подобно *immunitas* онъ вышелъ изъ юридическаго языка римской имперіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ огреченнымъ *excusatio* (*excusare*), тѣмъ болѣе что въ грамотахъ встрѣчается даже совсѣмъ латинская партиципiальная форма *ἐξκούσᾶτα*, *ἐξκούσᾶτοι*. Римское *excusatio*, которое застаемъ въ законодательныхъ памятникахъ <sup>1)</sup>, означаетъ льготу или изъятіе и близко по смыслу съ *immunitas*. Едва ли между этими двумя обозначеніями было какое либо различіе, какъ то пытался установить ученый Карлова <sup>2)</sup>. Но какъ *immunitas*, такъ и *excusatio* — *ἐξκούσσεια* — въ дипломахъ и хрисовулахъ приняли уже специфическій (феодальный) оттѣнокъ, котораго не было въ римскихъ терминахъ. Слѣдуетъ далѣе замѣтить, что самый терминъ экскуссіи не является твердымъ и одинаково постояннымъ выраженіемъ въ актахъ XI — XIV вв., которые помѣщены у Миклошича - Мюллера: уже къ XIII в. онъ тускнѣетъ, ломается, а потомъ и исчезаетъ изъ употребленія. Но вѣдь и самый институтъ экскуссіи за этотъ промежутокъ времени тоже проходитъ свою эволюцію. Хрисовулы XIII в. совсѣмъ не похожи на таковыя же XI в. Попробуемъ прежде всего разобраться въ этихъ различіяхъ.

## I.

Отъ XI в. мы имѣемъ въ *Acta graeca* 9 хрисовуловъ съ пожалованіемъ экскуссіи. Одинъ изъ нихъ — хрисовулъ императора Константина Мономаха, данный Новому Монастырю (*Neaμονή*) св. Маріи на о. Хіосѣ, относится къ 1045 году. Остальные—къ 70—80 гг.— и въ нихъ явственно бросается въ глаза не только единообразіе, но прочная тождественность формы. Во всѣхъ ихъ непремѣнно стоитъ высокопарно составленное *prooemium*, затѣмъ т. наз. *narratio* и *dis-*

1) Напр. *Arcad. Charisius, D., 50, 4, de muneribus, 18, § 29: ... neque ab annona... neque ab hospite recipiendo, neque capitatione excusari possunt...*

2) *Karlowa, Röm. Rechtsgesch. I, 610: excusatio касалось только munera personalia, а immunitas — munera personalia et patrimonii. См. правильныя противъ этого возраженія у Ziebenam'a — Städteverwaltung im röm. Kaiserr. 426, 7.*

positio и наконецъ самое существо пожалованія, построенное въ двухъ формулахъ: а) ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων... б) διὸ παρεγγυώμεθα καὶ πάντα ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων... Первая выражаетъ экзимированность въ отношеніи уплаты податей и несенія повинностей, вторая — судебно-административныя изъятія или другими словами: первая жалуетъ пользованіе доходами, переходившими ранѣе въ казну и получаемыми отъ суда, вторая — независимость отъ представителей государственной власти, которымъ воспрещался доступъ во владѣнія эккуссированнаго монастыря для исполненія тамъ своихъ служебныхъ обязанностей. Въ первой формулѣ и перечислены тѣ повинности, отъ которыхъ освобождается пожалованное лицо или учрежденіе, а во второй точно указаны тѣ должностныя лица, судебныя, военныя и гражданскія, absque introitu которыхъ долженъ былъ существовать «иммунитетъ». Каковъ составъ тѣхъ и другихъ, мы вскорѣ узнаемъ, а сейчасъ для насъ важно констатировать установленность и стереотипность формулъ эккуссии въ дипломахъ XI в. За это можно ручаться, несмотря на то, что даже изъ неполнаго десятка хрисовуловъ XI в. не всѣ безусловно вѣрны этому стереотипу. Такъ, изъ трехъ хрисовуловъ императора Никифора Вотаниата, пожалованныхъ въ одномъ и томъ же, 1079 году, одинъ, данный уже упоминавшемуся Новому Монастырю на о. Хиосѣ, опускаетъ первый изъ пунктовъ. Причиной тому, можетъ быть, было то обстоятельство, что данный хрисовулъ былъ подтвержденіемъ (и въ такомъ смыслѣ онъ былъ составленъ) ряда предшествующихъ: Константина Мономаха, Исаака Комнина, Романа Диогена и Михаила Дуки, такъ какъ, повидимому, пожалованія должны были подтверждаться новыми императорами<sup>1)</sup>. Мы не знаемъ, что стояло въ подтверждаемыхъ хрисовулахъ трехъ послѣднихъ императоровъ (они до насъ не дошли), а первый хрисовулъ, Константина Мономаха, къ которому примыкаетъ хрисовулъ 1079 г., намъ извѣстенъ и стоитъ здѣсь же въ Acta Graeca. Это самый ранній по времени хрисовулъ изъ напечатанныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ: онъ помѣченъ 1045 годомъ. И вотъ какъ разъ онъ и минуетъ также первую фор-

1) А можетъ быть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ несовершенствами византійской канцеляріи, которая и въ данномъ случаѣ просто не справилась со сведеніемъ во едино нѣсколькихъ дипломовъ — тѣмъ болѣе, что введеніе и изъясненіе хрисовуловъ составлялись каждый разъ по особому, и энергія составителей ушла на эту часть работы и хрисовулъ вышелъ похожимъ на простой питтакій или простагму.

мулу экскуссіи: *ἐξουσευθήσεται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων*. Значить, онъ, какъ первый въ этомъ рядѣ, и повліялъ на послѣдующіе. И не мудрено, что далекая отъ совершенства византійская канцелярія не смогла справиться съ этимъ затрудненіемъ. Надо, стало быть, спросить, почему въ хрисовулѣ 1045 г. не все въ порядкѣ. Читая его, легко убѣдиться, что онъ имѣлъ спеціальное назначеніе, какъ показываетъ и самое его заглавіе: *περὶ τοῦ παρὰ μόνης τῆς βασιλικῆς μεγαλειότητος κρίνεσθαι τὴν μονήν*. Это было, собственно, частичное изъятіе, распоряженіе императора, вѣроятно въ отвѣтъ на жалобы и прошенія монастыря <sup>1)</sup>. Но выпущено оно было изъ императорской канцеляріи въ видѣ хрисовула, такъ какъ оно увѣнчивается — обычнымъ — *διὸ παρεγγυώμεθα κτλ'*, которое, очевидно, помѣщено было, какъ разъясненіе послѣдствій императорскаго распоряженія, принявшаго такимъ образомъ форму хрисовула.

Въ общемъ, отъ этой группы хрисовуловъ съ пожалованіемъ экскуссіи XI ст. получается впечатлѣніе, что передъ нами сложившійся, вошедшій въ жизнь институтъ, а совсѣмъ не первые опыты только нарождающейся экскуссіи. Форма пожалованія—царскій хрисовулъ, субъектъ экзимированности—императорскіе и свободные (автодеспотическіе) монастыри, условія пожалованія—просьба (*δέησις*) желающаго его получить, нерушимость его на вѣчныя времена (*ἀπὸ τοῦ νῦν, καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους*, наконецъ — самый составъ или содержаніе экскуссіи—все это, по крайней мѣрѣ въ II-ой половинѣ XI в. является въ кристаллизированномъ состояніи.

Отъ слѣдующаго, XII вѣка до насъ дошло случайнымъ образомъ очень мало экскуссійныхъ хрисовуловъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что, конечно, такое распредѣленіе документовъ по столѣтіямъ можетъ показаться искусственнымъ. Но надо имѣть въ виду, что ихъ въ нашемъ распоряженіи сравнительно немного и расположены они по отношенію одинъ къ другому съ значительными перерывами. Такимъ образомъ дипломы каждаго столѣтія явственно отличаются отъ прочихъ и сплачиваются въ особую группу съ болѣе или менѣе характерными чертами.

Въ группѣ XII в., въ отличіе отъ предшествующей, прежде всего мы имѣемъ все сплошь не первичныя экскуссіи, а подтвержденія прежнихъ или же частичныя добавленія къ имѣющимся, повидимому,

1) *ᾧτε ἀπὸ τοῦ νῦν εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους μὴ τινα δικαστὴν εἰς τὴν δηλωθεῖσαν μονὴν παριέναι δίκης οἰαζόμενος ἐνεκεν, μήτε τι σύμβολον ἀρχικῆς δυναστείας κατ'αὐτῆς καὶ τῶν ἐν αὐτῇ τε καὶ ὑπ'αὐτὴν ἐπιδείκνυσθαι.*

общимъ изъятіямъ. Несомнѣнно, и въ этомъ періодѣ императоры жаловали монастырямъ хрисовулы общаго характера, но пока ихъ разыскать не удалось, исключая хрисовула имп. Мануила Комнина отъ 1158 г.—*de possessionibus monasteriorum*<sup>1)</sup>. Выдѣляются въ этомъ ряду дипломы съ пожалованіемъ тому или другому монастырю нѣсколькихъ колоновъ-париковъ, на которыхъ при этомъ и распространяются изъятія и льготы, присушія данному монастырю. Такова грамота имп. Алексѣя Комнина еще отъ 1099 г., въ которой императоръ, подаривъ Лерскому монастырю 12 париковъ, объявляетъ ихъ: *ἐλευθέρους καὶ ἀτελεῖς καὶ μὴτε γῆν ἰδίαν ἔχοντας, μὴτε δημοσιακοῖς χαρτίοις ἐγγεγραμμένους καὶ ἐξκουσεύεσθαι τούτους ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπισησίας καὶ ἀγγαρείας καὶ ἀπὸ παντὸς δημοσιακοῦ τέλους καὶ βάρους. . .* Таковъ и анти-хрисовулъ имп. Мануила Комнина отъ 1145 г., подтверждающій по просьбѣ монаховъ монастыря на о. Лерѣ—изъятія париковъ, приписанныхъ къ нему<sup>2)</sup>:

Затѣмъ въ группѣ XII в. мы имѣемъ нѣсколько общихъ подтвержденій экскуссіи. Но выражены они чрезвычайно расплывчато и огульно. Вотъ напр. спѣшный и небрежный «хрисовулъ» Алексія Комнина — монастырю Преображенія на горѣ Сагматахъ отъ 1106 г., гдѣ просто сказано, что «Мы украсили св. монастырь «царской» честью (т. е. причислили къ рангу императорскихъ), пожаловали Ункрійскую бухту и постановили для св. отцовъ—свободу отъ цалоговъ». Далѣе—«антихрисовулъ» Мануила Комнина отъ 1158 г. — съ краткимъ опредѣленіемъ, подтверждающимъ прежде дарованную монастырю «свободу и экскуссію» и запрещающимъ кому бы то ни было впредь наносить монастырю несправедливости и отягощенія. Наконецъ хрисовулы: Исаака Ангела отъ 1186 г. монастырю Патмосскому и Алексія Ангела отъ 1197 г. монастырю Маріи Аѳинской имѣютъ въ виду специально привилегіи и изъятія монастырскаго морскаго транспорта. Второй изъ нихъ составленъ болѣе обстоятельно — и его построеніе отдаленнымъ образомъ напоминаетъ хрисовулы XI в. . . .

Разница между хрисовулами и самой экскуссіей XI и XII столѣтій бросается прямо въ глаза. Дипломы какъ будто теряютъ въ зна-

1) Zachariae v. Lingenthal, *Ius graeco-romanum* p. III, стр. 453.

2) Καὶ διορίζεται ἐξκουσεύεσθαι καὶ τοὺς τοιοῦτους παροίκους ζευγαράτους ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας δημοσιακῆς εἰσπράξεώς τε καὶ ἀπαιτήσεως, αὐτοῦ τε τοῦ ζευγολογίου καὶ παντοίας ἀγγαρείας νῦν τε οὖσης καὶ εἰς ὕστερον ἐπισηθησομένης καὶ κατὰ τὸ καθόλου τῆς τοιαύτης ἐξκουσεσίας κεφάλαιον. Сюда же отнесемъ и хрисовулъ Исаака Ангела объ изъятіи отъ податей шести париковъ монастыря Св. Маріи Аѳинской отъ 1186 г.

чительной степени свой торжественный и выдержанный тонъ. Они перестаютъ быть однообразными въ своемъ строеніи и формулахъ, словно императорская канцелярія сбилась съ толку. Эккуссія, т. е. то экзимированное положеніе, которое жалуется хрисовулами, тоже въ XII в. словно мельчаетъ, суживается и мутится. Грамоты рѣдко подробно и точно обозначаютъ списки тѣхъ тягостей и повинностей, отъ которыхъ освобождается эккуссать, а если это и пытаются сдѣлать, то перечень получается несравненно бѣднѣе XI в. Также слѣдуетъ сказать и о перечнѣ должностныхъ лицъ, которымъ запрещается доступъ въ эккуссированныя владѣнія. Появляется угроза штрафомъ послушникамъ и нарушителямъ «царской золотой буллы». Наконецъ самый тонъ пожалованія (это еще замѣтнѣе станетъ въ слѣдующемъ XIII ст.) также существеннымъ образомъ измѣняется: въ XI в. чувствуется, что императорское правительство съ бѣльшимъ уваженіемъ относится къ монастырямъ, какъ значительной силѣ, которой оно принуждено уступать и поступаться своими вкладами и интересами. Въ XII в. оно проникается новымъ мотивомъ милости и снисхожденія къ просьбамъ монаховъ.

Можно, конечно, сказать, что сравнивать дипломъ XI и XII ст. едва-ли правильно такимъ образомъ: отъ послѣдняго мы не имѣемъ ни одного обще-эккуссионнаго хрисовула. Но думается, что именно то и характерно опять-таки, что нѣтъ ни одного общаго. И здѣсь обнаруживается словно измелчаніе института. И тотъ единственный хрисовулъ XII в., который можно считать общимъ, Мануила Комнина, отъ 1158 г.—все-таки можетъ свидѣтельствовать о перемѣнахъ, пережитыхъ эккуссіей за нѣсколько десятилѣтій. Воспрещеніе доступа должностнымъ лицамъ во владѣнія монастырей, расположенныхъ въ столицѣ, выражено здѣсь въ новой, многословной формулѣ<sup>1)</sup>.

Расхожденія въ формулировкѣ и содержаніи эккуссіи дипломовъ XI и XII в. очевидны. Въ общемъ они и понятны: на протяжении дѣла о ряда десятилѣтій ни одно учрежденіе не можетъ не измѣниться—если не въ существѣ, то хотя бы по внѣшности и въ подробностяхъ. Оно или вращается въ жизнь, дѣлается сильнѣе, ярче, или наоборотъ перестаетъ идти съ ней вровень, отстаетъ, ветшаетъ. Съ эккуссіей въ

1) «Οὕτω γὰρ θέλει ἡ βασιλεία μου τὰ τῶν δηλωθεῶν μονῶν ἀκίνητα πάντα λογίζεσθαι: ὑφ' ἐκάστου τῶν πρακτόρων, ὡς μὴ ὄντα ὑπὸ τὴν ἑαυτοῦ ἀρχὴν τε καὶ ἐξουσίαν, καὶ ἂν τρόπον οἱ πρὸς κτορες ἐπὶ τοῖς μὴ ὑποκειμένοις αὐτοῖς θέμασιν οὐδὲν τι δίκαιον ἔχουσιν ἐνεργεῖν ἢ ὅπως πωλεῖν τι ἐπ' αὐτοῖς, οὕτως οὐδὲ ἐπὶ τοῖς τῶν μοναστηρίων ἀκίνητοις οἱ πράκτορες τῶν θεμάτων, ὑφ' οὓς τελοῦσι τὰ τοιαῦτα ἀκίνητα, πράκτορες λογισθήσονται».

XII в. происходило второе, по крайней мѣрѣ, если судить на основаніи документовъ. Ранніе хрисовулы XI в. освобождали, явно, отъ большаго числа повинностей, освобождали точнѣе, властнѣе и увѣреннѣе. Сравнительную краткость позднихъ документовъ въ перечисленіи платежей и повинностей едва ли можно объяснять тѣмъ, что лица, писавшія хрисовулы, предпочитали пользоваться общими терминами для цѣлаго ряда платежей, тогда какъ въ раннихъ хрисовулахъ послѣдніе перечислялись отдѣльно<sup>1)</sup>. Такъ, напр., поздній хрисовулъ уже не перечисляетъ тѣхъ припасовъ, которые могли требовать должностныя лица, пользующіяся правомъ на *ἀπλήρως* или *μὲν*, а находятъ достаточными слова: освобождаются отъ постоя, и помѣщенія и содержанія, доставки необходимаго для дукъ и катепановъ. Дѣло въ томъ, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ позднѣйшіе хрисовулы<sup>2)</sup>, дѣйствительно, проявляютъ стремленія къ обобщенію, то въ цѣломъ рядѣ другихъ мы замѣчаемъ въ нихъ *просто пропуски, сокращенія съ перечняхъ* какъ повинностей, такъ и должностныхъ лицъ, а это показываетъ, что канцелярія начинала словно все огульнѣе и расплывчатѣе составлять эккуссіонныя грамоты. Такой переходъ къ общимъ выраженіямъ, даже съ многовѣщательными заключеніями въ концѣ перечней—о свободѣ отъ какихъ бы то ни было повинностей, нынѣ существующихъ и впредь могущихъ появиться<sup>3)</sup>, едва ли знаменовалъ ростъ и расширеніе самаго института эккуссіи. При томъ укладѣ жизни, какой былъ въ имперіи въ XI—XIII вв., самыя хорошія общія слова мало могли принести пользы. Изъ тѣхъ же хрисовуловъ мы видимъ, какъ часто и дерзко византійскіе чиновники нарушали эккуссію<sup>4)</sup>: въ этомъ отношеніи они были очень избобрѣтательный и придирчивый народъ. Императоры отлично звали это и, конечно, въ борьбѣ съ ними не могли идти путемъ обобщеній и сокращеній льготъ. Чтобы эти льготы оказались дѣйствительными, ихъ необходимо было все точнѣе, все доточнѣе выписывать и обозначать, чтобы такимъ образомъ дать возможность эскусатамъ ссылаться на прямое указаніе документа.

Но продвинемся еще впередъ и захватимъ въ обсужденіе позднѣйшую, довольно многочисленную группу хрисовуловъ XIII и XIV в.

1) См. П. Яковенко, Къ исторіи иммунитета въ Византіи, стр. 19.

2) Окончательно объ этомъ выскажемся позднѣе, послѣ обзора хрисовуловъ XIII, XIV в.

3) Acta Graeca, VI, 197.

4) Acta Graeca, V, 278; IV, 214 и др.

Здѣсь хотя и замѣтна будетъ съ перваго же взгляда большая нестрога и колеблющаяся неопредѣленность какъ формы самихъ дипломовъ, такъ и состава экскуссiи, причемъ болѣе обстоятельныя грамоты въ безпорядкѣ перемежаются съ кое-какъ составленными, но вмѣстѣ съ тѣмъ сразу же ясно, что и институтъ экскуссiи и выражающіе ее документы еще дальше ушли отъ типа XI в., стали послѣднимъ совсѣмъ уже чуждыми. Такое расхожденіе, конечно, вполне естественно, но что оно собой обозначаетъ, въ какую сторону идетъ развитіе?

Неопредѣленность формулъ, замѣчаемыхъ здѣсь съ одной стороны, а съ другой расплывчатость содержанія экскуссiи свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что мы присутствуемъ при постепенномъ обветшаніи института.

Довольно трудно выдѣлить въ разнородной массѣ позднихъ хрисовуловъ XIII—XIV вв. какія либо группы и развѣ только условно можно подобрать воедино, напр. дипломы, которые, повидимому, являлись необходимою, издавались въ видѣ традиціоннаго подтвержденія старыхъ и старинныхъ (παλαιγενῶν) хрисовуловъ. Отличительной чертой ихъ является огульность и небрежная словно общность, неточная всеобъемлемость выраженій. Эти реститутивные хрисовулы, пользуются ничего не охватывающими обозначеніями: а) «καθώς και πρότερον, κατέχειν πάντα», б) «ἐξκουσσευθῆται κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσείας κεφάλαιον», в) κατὰ τὰς περιλήψεις τῶν προσόντων δικαιωμάτων (παλαιγενῶν), εἰς περισσοτέραν ἀσφάλειαν, ἀπολαύειν πάσης ἐξκουσείας (впрочемъ это чаще относится не къ монастырю вообще, а къ парикамъ, подчиненнымъ ему) καὶ διατηρεῖσθαι ἀνεπηρέαστους ἀπὸ πάντων τῶν δημοσιακῶν ζητημάτων καὶ ἀπὸ πασῶν τῶν ἐπιχειρῶν ἀζημίους. Вдумываясь въ эти широковыщательныя, бездонныя обѣщанія хрисовуловъ и сравнивая ихъ съ точными выраженіями таковыхъ же XI в., убѣждаешься въ томъ, что подъ ихъ красивой и пышной оболочкой сами составители не представляли себѣ никакого расчлененнаго, конкретнаго содержанія.

Какъ будто изъ этой неопредѣленности впрочемъ начинаегъ выглядывать все болѣе настойчиво новая формула экскуссiи<sup>1)</sup>. Въ ней

1) Это... δι' οὗ (χρισσοβούλλου) προσάττει (ἢ βασιλεία μου) καὶ διορίζεται κατέχειν τὴν τοιαύτην σεβασμίαν μονὴν καὶ νέμεσθαι καὶ εἰς τὸ ἐξῆς... ἀνενοχλήτως, ἀδιασείστως ἔτι δὲ ἀναφαρέτως καὶ ἀναποσπαστως ἀνώτερα πάσης καὶ παντοίας δημοσιακῆς ἐπιχειρίας καὶ συζητήσεως...

замѣчаются нѣкоторыя варіаціи (напр. не всѣ нарѣчія на мѣстѣ. или вмѣсто нарѣчіи прилагательныя<sup>1)</sup>, по въ общемъ это выраженіе господствуетъ въ хрисовулахъ XIII—XIV в. <sup>2)</sup>).

Но рядомъ съ такого рода «обобщенными» пожалованіями мы замѣчаемъ хрисовулы съ попытками по старинному дать точный перечень повинностей, которыя вошли въ эккусію. Въ составѣ наблюдается извѣстное единообразіе, но уже совершенно далекое отъ перечней XI в. <sup>3)</sup>).

Изъ второй половины XIII в. идутъ нѣсколько дипломовъ, въ которыхъ перечень этотъ выраженъ очень характерно—отрицательнымъ образомъ, т. е. обозначены только тѣ изъ повинностей, которыя не входятъ въ пожалованную эккусію <sup>4)</sup>).

Далѣе, въ дипломахъ первой половины XIV в.—попытки точно обозначить повинности, отъ которыхъ освобождается эккусать, выражаются въ еще болѣе скромныхъ спискахъ <sup>5)</sup>).

Наконецъ, въ хрисовулахъ, данныхъ въ 20-хъ гг. XIV ст. Андроникомъ II церкви въ Мистрѣ <sup>6)</sup>), дается освобожденіе отъ *δόσεως ἐννο-*

1) Напр. *κλιθεῖσι ἢ τοιαύτη μόνῃ ταύτῃ ἀνενοχλήτως πάντῃ καὶ ἀδιασίεως καὶ ἀνεπηρέεστος καὶ ἐκτός πάσης συζητήσεως καὶ ἀπειρήσεως* (Хрис. 1259, 1263 г. или въ Хрисов. 1292 г.).

2) Въ той или иной формѣ оно на лицо въ слѣдующихъ пожалованіяхъ: А. Gr. т. V: отъ 1319—1321, 1297, 1299, 1309, 1321, 1321 bis, 1329, 1332, 1350, 1289, 1263 т. IV, sine anno (Мон. Маріи Слѣбной) и слѣдующіи 1259, Sine anno (Monast. in Cos), 1292, 1326, 1331 1251 г., 1262. 1284; sine anno (α) три раза, 1272, 1274 — въ общемъ—въ большей половинѣ напечатанныхъ дипломовъ этого періода.

3) Разумѣю напр. хрисовулы: имп. Иоанна Дуки монастырю Дѣвы на г. Лемвѣ около Смирны отъ 1228 г., отъ 1235 г. (повторный, относительно новыхъ метоховъ монастыря, имп. Миханла Полеолога отъ 1239 г. (А. Grасса. V. 10).

4) Таковы хрисовулы Миханла Палеолога Монастырю Макринписсы 1272 г. съ формулой: *...ἀνοχῆρα πάσης καὶ παντοίας δημοσιακῆς ἐπιτηρείας καὶ συζητήσεως, ἅνευ μέντοι γε δύο κεφαλαίων, τῆς τε καστροκισίας καὶ κατεργασίας, ταῦτα γὰρ ὡς κοινωφελῆ καὶ παρὰ τῶν τοιοῦτων τῆς μόνῃς κτημάτων ἀπειρηθήσονται*. Тоже ограниченіе находимъ и въ хрисовулѣ 1274, но здѣсь только — *ἅνευ μέντοι τοῦ ἐνός μόνου τούτου κεφαλαίου τῆς καστροκισίας*. См. еще напр. V, 89, №2. Впрочемъ его можно видѣть и въ первой половинѣ XIII в. Напр. см. хрисов. Иоанна Дуки 1228 г. IV. стр. 4: *ἅνευ δύο κεφαλαίων τῆς ἀγάτης καὶ τῆς σιταρχίας*. Указомъ sine anno. (IV, 249)—это ограниченіе эккусий было отмѣнено. Очень старательно выведены эти ограниченія въ хрисовулѣ Андроника II Георгію Трулану отъ 1299 г.: *ἅνευ μέντοι τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας, τῆς καστροκισίας, τῆς ὀρεικῆς, τοῦ φόρου καὶ τῆς εὐρέσεως τοῦ θησαυροῦ, ταῦτα γὰρ ὀφείλουσιν ἀπατεῖσθαι ἐξ αὐτῶν*. Но это не монастырь!

5) См. хрисовулы: Андроника II. Андроника III (1332 г.) монастырю Иоанна Претечи, Андроника III мон. Иоанна Богослова на о. Патмосѣ (1326 и 1331 г.) — А. Grасса V, 94, 96, 100.

6) См. *Bulletin de correspondance hellénique*, XXIII, 114 ff; 117 ff.

μίου, ἀγγαρείας, καστροκτισίας, σιταρχίας, καταθέσεως βρωσίμων καὶ ποσίμων καὶ ἄλλοίων εἰδῶν...

Два вывода сами собою напрашиваются изъ этихъ наблюденій: *во-первыхъ*, чѣмъ дальше, тѣмъ составъ повинностей, отъ которыхъ освобождаетъ даруемая экскуссія, становится короче и уже, *во-вторыхъ*, хотя и можно разглядѣть нѣкій остовъ перечня тяготъ, какъ нѣчто постоянное, тѣмъ не менѣе онъ чрезвычайно капризно закрывается вариациями—и эти отклоненія замѣтны даже въ одновременныхъ дипломахъ; и можно склоняться къ мысли, что экскуссія индивидуализировалась, что перечисленія ставились въ хрисовулы не безсознательно, а каждый разъ назывался тотъ *minimum* ихъ, который правительство рѣшилось уступить. Хрисовуловъ, которые бы освобождали отъ *осѣхъ* платежей и повинностей, указать нельзя, такъ какъ помѣщаемыя въ концѣ перечня фразы о томъ, что дается освобожденіе, кромѣ перечисленныхъ, вообще отъ всякихъ повинностей, теперь существующихъ и впослѣдствіи могущихъ появиться—не болѣе, какъ риторическое украшеніе<sup>1)</sup>. Въ самомъ дѣлѣ, не рѣдко послѣ хрисовулы съ такой фразой, вскорѣ жаловался другой съ освобожденіемъ отъ повинностей и платежей, не указанныхъ въ первомъ<sup>2)</sup>.

Но если такъ, то въ экскуссії, какъ она предстаетъ въ рамкахъ разсматриваемыхъ хрисовуловъ, нельзя увидать тенденціи къ расширенію льготъ, т. е. къ росту ея и укрѣпленію. Можно думать, что какъ разъ наоборотъ. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ доказывать это положеніе тѣмъ, что «монастырь св. Іоанна Богослова на Патмосѣ получилъ по хрисовулу 1088 г. очень широкія льготы, но *изъ нихъ* въ 1326 г. присоединено было освобожденіе отъ ситархіи, взысканіе за дѣворастленіе, свобода отъ царской подати и т. д., а въ 1331 г. этотъ хрисовулъ былъ подтвержденъ и прибавлено было еще освобожденіе отъ поголовной подати, взысканія за убійства и гостинной подати». Второе совершенно вѣрно, т. к. дѣло касается пятилѣтняго промежутка времени, но на разстояніи почти двухъ съ половиною столѣтій такое «прибавленіе» кажется страннымъ. Вѣдь за это долгое время значительно измѣнился весь соціально-политическій строй имперіи, измѣнился и составъ повинностей и платежей.

Болѣе похоже, какъ мы уже говорили, на то, что «ранніе» хрисовулы (XI в.) освобождаютъ отъ большаго числа повинностей, чѣмъ

1) См. Яковенко — *op. cit.* стр. 27.

2) См. напр. А. Граеса. VI. 249—253—4.

поздніе (XIII—XIV вв.). Сравнительная краткость позднихъ документовъ въ перечисленіи платежей и повинностей не можетъ быть объяснена тѣмъ, что «лица, писавшія хрисовулы, предпочитали пользоваться общими терминами для цѣлаго ряда платежей, тогда какъ въ раннихъ хрисовулахъ послѣдніе перечислялись отдѣльно. Мы уже видѣли, что и поздніе хрисовулы пытаются называть отдѣльныя повинности.

Къ аналогичнымъ заключеніямъ приводятъ и наблюденія надъ другимъ важнымъ элементомъ эккуссіи-иммунитета — надъ правомъ суда эккуссата въ его владѣніяхъ. Вопросъ о происхожденіи иммунитетной юрисдикціи является чрезвычайно сложнымъ и запутаннымъ и поднимать его во всей его спорности — въ данной связи не приходится<sup>1)</sup>. Мы беремъ это право въ готовомъ видѣ, какъ оно нашло себѣ выраженіе въ императорскихъ грамотахъ. Въ ученой литературѣ по этому поводу высказано было мнѣніе, что судебныя права явственно обозначены только въ поздней эккуссіи XIV в. Что же касается раннихъ хрисовуловъ (XI—XII вв.), то въ нихъ ничего не говорится о правѣ суда владѣльцевъ эккуссіи и подсудности ихъ парковъ<sup>2)</sup>, и наоборотъ имѣются свидѣтельства того, что получившій эккуссію не пользовался судебно-административной независимостью въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Примѣромъ служитъ монастырь Дѣвы Маріи Лемвіотиссы, который имѣлъ эккуссію, считался императорскимъ, и тѣмъ не менѣе въ своихъ тяжбахъ съ посторонними лицами являлся отвѣтственнымъ передъ судомъ смирнскаго митрополита, дуки еракійской оемы, военнаго судьи (*κρίτης τοῦ ποσειδάτου*) и даже передъ крестьянскимъ судомъ<sup>3)</sup>.

Примѣръ этотъ нельзя признать вполне удачнымъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ монастырь Лемвіотиссы выступаетъ одной изъ тяжущихся сторонъ, и судъ выходитъ за его предѣлы, такъ что это еще не доказываетъ того, что монастырь не обладалъ юрисдикціей въ границахъ своихъ владѣній. Важнѣе однако то, что право суда на са-

1) Новѣйшій обстоятельный пересмотръ его даетъ Г. Зеелигеръ въ соч. «Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter (*Abhandl. der philol. histor. Klasse d. Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften*, Bd. XXII) выводя юрисдикцію иммуниста изъ патронатныхъ отношеній, мундія и кліентылы.

2) Иковенко — *op. cit.* 29—30, ссылающійся на хрисовулъ Алексія Комнина Сумелійскому монастырю отъ 1364 г. (*Acta Graeca*, V, 279).

3) *Acta Graeca*, т. IV, стр. 187, 186, 212, 178, 165, 168, 93.

момъ дѣлѣ яснѣе выступаетъ не въ позднихъ, а именно въ раннихъ <sup>1)</sup> хрисовулахъ. Можно сослаться на хрисовулу императора Никифора Вотаіата отъ 1079 г., пожалованный владѣніямъ Михаіла Атталіата <sup>2)</sup>; Главное же слѣдуетъ обратить вниманіе на хрисовулу императора Константина Мономаха отъ 1045 г. (т. е. самый ранній изъ напечатанныхъ въ Acta Graeca Миклошича и Мюллера <sup>3)</sup>, пожалованный новому монастырю Св. Маріи на о Хіосѣ: онъ даетъ ключъ къ разъясненію вопроса и вообще объ экскуссионной юрисдикціи. Здѣсь определенно говорится <sup>4)</sup>; «Наша царственность повелѣваетъ, дабы отнынѣ и во вѣки никакой судья не входилъ въ монастырь ради какого бы то ни было судебного дѣла, чтобы не показывалъ никакого знака своей власти по отношенію къ монастырю и тѣмъ, кто находится въ немъ и зависитъ отъ него» (разумѣются, конечно, парики сидящіе на монастырскихъ земляхъ). Ясно, что право суда по всѣмъ дѣламъ внутри монастырскихъ владѣній, включая сюда не только монаховъ, но и париковъ, живущихъ здѣсь, пожаловано императоромъ монастырю. Далѣе, въ хрисовулѣ предусматриваются случаи споровъ и тяжбъ монастыря съ кѣмъ либо постороннимъ <sup>5)</sup>. Но замѣчательнѣе всего то, что хрисовула, жаловавшая монастырю право суда, заключается обычнымъ для XI в. — *διὸ παρεγγυώμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλίζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων* — идетъ шаблонный перечень должностныхъ лицъ, которыя не должны нарушать льготы, предоставляемыя хрисовуломъ. Отсюда становится очевиднымъ, что всѣ эти сакелларіи, эконо-

1) Раннихъ, конечно, относительно; разумѣю хрисовулы XI в.

2) Въ немъ говорится, что еще хрисовула Михаіла Дуки — *ἐπορίσατο ἐξκουσσεῖαν αὐτοῖς παντελῆ χηριζέμενον καὶ ἀπρόσβατον εἶναι πᾶσι κριταῖς τε καὶ πράκτοσι* и въ дальнѣйшемъ предписывается: *ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ τὰ τοῦτους προσόντα πάντα ἀκίνητα ἀπὸ τε κριτῶν... κτλ... μετὰ τῶν ἐν αὐτοῖς προσκαθημένων ἐνοίκων καὶ παροίκων...*

3) V, 2.

4) (ἡ βασιλεία ἡμῶν) *θεσπίζει διὰ τοῦ παρόντος ... χρυσοβούλου λόγου, ὥστε ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους μὴ τινα δικαστὴν εἰς τὴν δηλωθεῖσαν μονὴν παριέναι δίκης οἰκισθῆναι ἕνεκεν, μήτε τι σύμβολον ἀρχικῆς δυναστείας καὶ αὐτῆς καὶ τῶν ἐν αὐτῇ τε καὶ ὑπ' αὐτῇ ἐπιδείκνυσθαι...*

5) *Ἄλλ' εἴ ποτε διαφορὰ καὶ διαμάχη τινές, ἢ εἰ μὲν τοῖς τῆς μονῆς πρὸς τινὰς ἐτέρους ἐπιγενόιντο καὶ βούλειτο ταύτας οὗτοι κατὰ τῶν ἀντιπροσέμενων ἐγγυμνάξιν, ἀκωλύτως κινεῖν καὶ τὸν νόμον εὐρίσκειν διαιτητὴν τοῦ καλῶς ἔχοντος ἢ εἰ δ' αὖ ἕτεροι κατ' αὐτῶν κινήθειεν καὶ διατάξοιεν πρὸς ἀλλήλους ἐπὶ τισὶ δίκαις, ἢ περὶ τόπων ἀφαίρεσως ἢ μεταθέσεως ὄρων τῶν ὑπ' αὐτοὺς πάντων κτημάτων ἢ καινοτομίας ἐτέρας τινός καὶ ἀμφιβολίας, μήτε θεματικόν ἢ πολιτικόν, ὡς εἴρηται, δικαστὴν, μήτε τινὰ τῶν ἄλλων ἀρχόντων ἢ βλήμα δικαστικόν τοῖς ἐνάγουσιν ἀναπτύσειεν καὶ τὰς περὶ τούτων ἀγωγὰς ἐγγυμνάξιν ἢ ψηφίζεσθαι ἢ ὄλους ἀγωγίμεν τινὰ τῶν ἐν τῇ μονῇ ποιεῖν καὶ καθέλκειν εἰς δικαστήριον, ἀλλὰ τὰ κατὰ τούτων κινούμενα τῷ μείζονι τῶν ἄλλων ἐπιέναι δικαστηρίων καὶ μόνον ἀποκρίσθαι τούτων τὸν τὴν αὐτοκράτορα λαχόντων διέπειν ἀρχήν*

номы, начальники кураторій, идики, іеротрофы, дуки, катепаны, стратиги, таксіархи, турмархи, мерархи, т. е. чины центрального управленія, придворнаго вѣдомства, областныхъ учрежденій, особыхъ порученій—заняты были не только сборами въ пользу казны и завѣдываніемъ такимъ кругомъ дѣлъ, который связанъ съ натуральными повинностями, но вѣдали и судебныя дѣла. И стало быть, и во всѣхъ хрисовулахъ, дарующихъ эккуссію и воспреещающихъ въ такой формѣ доступъ представителямъ государственной власти во владѣнія пожалованнаго монастыря, имѣется въ виду и изъятіе послѣдняго изъ подъ юрисдикціи всѣхъ должностныхъ лицъ, отправлявшихъ судебныя функціи. И такъ какъ уже въ самыхъ раннихъ изъ хрисовуловъ XI в. такія привилегіи выражены въ увѣренныхъ, сложившихся формахъ, то слѣдуетъ думать, что этотъ элементъ эккуссіи образовался и опредѣлился много раньше, разумѣется право на судъ внутри своихъ владѣній и надъ своими людьми, которые обычно считались и обозначались въ грамотахъ, какъ находящіеся подъ *δεσποτεία* монастыря или просто: *ὀπὸ τῆν μονῆν ὄντες*.

## II.

Выше уже было указано, что на основаніи наличнаго документальнаго матеріала, временемъ появленія и сложенія эккуссіи въ Византійской имперіи—обыкновенно считаютъ XI вѣкъ<sup>1)</sup>. Въ зависимости отъ этого ставится и разрѣшается и самый вопросъ о происхожденіи «византійскаго иммунитета». Думается однако, что указанныя основанія сами по себѣ далеко не достаточны для принятія такого рѣшенія. Необходимо еще исторически показать, что намѣченное столѣтіе или «эпоха» могла породить такое явленіе, какъ эккуссія. Здѣсь мы соприкасаемся съ исторіей взаимоотношеній между императорскимъ правительствомъ и монашествомъ или «монастырствомъ», представлявшимъ въ имперіи весьма крупную общественную силу. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что эти взаимоотношенія являются съ сравнительно раннихъ поръ (съ начала «иконоборчества», а можетъ быть, и съ VII в.) одной изъ центральныхъ, руководящихъ линій «внутренней» исторіи Византіи.

1) Такое мнѣніе находимъ и у проф. Суворова и у Яковенко; его же, очевидно, держатся и французскіе изслѣдователи вост. монастырей — Marin и Ferradou.

Наряду съ вопросами организаціи виѣшней обороны и этотъ вопросъ — о положеніи монастырей въ государствѣ — стоитъ напряженно въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Законодательство каждаго царствованія непремѣнно останавливается на попыткѣ такъ или иначе двинуть его къ разрѣшенію.

И необходимо отмѣтить, что кривыя, образуемыя движеніемъ законодательства и движеніемъ экскуссіонныхъ хрисовуловъ, далеко не совпадаютъ между собой. Если судить по императорскимъ грамотамъ, то эпоха расцвѣта, павысшаго напряженія экскуссіи, а стало быть, и монастырства падаетъ на вторую половину XI в., которую обыкновенно считаютъ даже временемъ появленія и сложенія экскуссіи, какъ опредѣленнаго общественнаго учрежденія. А между тѣмъ данныя законодательства и сообщенія историковъ убѣждаютъ въ томъ, что «лучшей порой въ исторіи монашества (по крайней мѣрѣ съ иконоборческой поры) была эпоха, непосредственно слѣдовавшая за «торжествомъ православія» <sup>1)</sup>. Періодъ же отъ 1057 г. до 1204 г. — періодъ наиболѣе яркихъ и широковѣщательныхъ хрисовуловъ былъ въ сравненіи съ ней временемъ упадка.

Это какъ разъ, прежде всего, десятилѣтія, запятые царствованіемъ Комниновъ. Уже первый представитель этой династіи — Исаакій (1057—1059), какъ о томъ свидѣтельствуютъ и Михаэль Пселль и Михаэль Атталіатъ, и Зонара, и Мих. Глика, очень рѣзко взялъ курсъ, враждебный богатству и самостоятельности монастырей. «Онъ наложилъ руку на тѣ изъ нихъ, которые обладали крупными и богатыми имѣніями, чуть ли не превосходившими по цѣнѣ то, что заключено было въ императорскихъ сокровищахъ. Отнявъ многія изъ этихъ имѣній и ссылаясь на то, что оставленнаго монастырямъ и монахамъ болѣе, чѣмъ достаточно, все остальное причислить къ императорскимъ владѣніямъ». Несмотря на то, что правительство пыталось примирить съ собой часть монашества тѣмъ, что излишки, отобранные у богатыхъ монастырей, частью были распределены между захудавшими, эта экспропріаціонная попытка вызвала сильное недовольство въ монашеской средѣ. Во главѣ оппозиціи всталъ самъ константинопольскій патріархъ Михаэль Кируларій, котораго Исаакій велѣлъ отправить на о. Проконнисъ. Стиснутый ненавистью монаховъ, императоръ въ

1) См. И. Соколовъ. Состояніе вост. мон. Скабалановичъ и др.

кощѣ концовъ сдался и пошелъ на уступки, торжественно раскаявшись въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Пресмникъ Исаакія Константины X Дука (1059—1067), поддержанный партіей, враждебной предшествовавшему правительству, — характеризуется у анналистовъ, какъ *φιλομόναχος*<sup>1)</sup>. Извѣстны его два хрисовула. пожалованные Хіосской Неамопѣ, въ которыхъ опъ утверждаетъ за этимъ монастыремъ всѣ владѣнія, полученныя имъ отъ имп. Константина Мономаха. Неамопѣ, повидимому, въ это время былъ однимъ изъ пзлюбленнѣйшихъ дворцовъ монастырей. По крайней мѣрѣ, хрисовулы съ тѣмъ же содержаніемъ, данныя ему, сохранились и отъ слѣдующихъ императоровъ: Романа IV Диогена (1068—1071) и Михаила VII (1071—1078).. Но это, какъ оказывается, далеко не опредѣляетъ общаго отношенія этихъ правительствъ къ монастырской самостоятельности. Михаилъ Атталиатъ рассказываетъ, что правительство императора Михаила, руководимое великимъ логоетомъ Никифоромъ, крутымъ финансистомъ, не преминуло протянуть руку вновь къ богатствамъ монастырей: были отписаны въ казну монастырскія «скалы», а затѣмъ вышелъ императорскій приказъ отобрать изъ монастырскихъ церквей священные сосуды съ тѣмъ, чтобы ихъ переплавить въ деньги. Императоръ подарилъ Никифору одинъ изъ крупнѣйшихъ столичныхъ монастырей въ Евдомѣ, на который логоетъ и записывалъ новыя пріобрѣтенія.

Свергнувшій Михаила и занявшій его престолъ Никифоръ Вотаниатъ (1078—1081), дѣйствительно, отмѣнилъ всѣ общія распоряженія относительно монастырей своего предшественника, а затѣмъ выдалъ цѣлый рядъ хрисовуловъ отдѣльнымъ монастырямъ, такъ что отъ одного 1079 г. до насъ сохранилось цѣлыхъ три такихъ грамоты его съ пожалованіемъ эккусіи.

Далѣе наступаетъ долгое и гревожное царствованіе Алексія I Комнина (1081—1118), считающееся обыкновенно<sup>2)</sup> весьма благоприятнымъ для монастырей и монашества. Главнымъ, да и единственнымъ основаніемъ для такого мнѣнія приводится особое покровительство императора св. Христодулу, выразившееся между прочимъ въ пожалованіи ему въ 1088 (1080?) г. знаменитаго хрисовула: «*Και πᾶσι μὲν ὑπέγραψεν τὰς ἀκροάς . . .*», наиболѣе полно и ярко выражающаго эккусію. Указанія Анны Комнины и Анонима (*Antiquitates Constau-*

1) Mich. Attal. p. 76.

2) См. напр. Н. Соколовъ, Сост. мон. въ Виз. имп., стр. 156 слѣд.

tinor. <sup>1)</sup> или Никиты Хониата (De Ioanne Comneno I с. 2) не могутъ идти въ счетъ вслѣдствіе своей неопредѣленности. Помимо же грамотъ св. Христодулу, отъ всего долгаго царствованія Алексѣя не дошло до насъ ни одного хрисовула, если не считать небрежно составленный дипломъ 1106 г.,—данный монастырю Преображенія на горѣ Сагматѣ, въ которомъ этотъ монастырь объявляется императорскимъ и свободнымъ отъ податей (τὴν ἱερὰν μονήν βασιλικῆ τιμῆ ἐνεκαλλωπίσαμεν καὶ . . . τοὺς πατέρας ἀφορολογήτους ἐψηξιόμεθα). Ссылаются далѣе на построеніе новыхъ монастырей, но Зонара и Михаѣль Глика (р. 621 ff.) указываютъ лишь на то, что императоръ Алексѣй построилъ пріютъ для монаховъ, для чего реставрировалъ орфанотрофій, придавъ къ нему нѣсколько обителей (фронтистирій). Лишь одинъ вновь созданный Алексѣемъ монастырь упомянутъ у Никиты Хониата—Φιλανθρωπίου Χριστοῦ μονή. На ряду съ этими убогими данными внушительно звучатъ иныя <sup>2)</sup>. Алексѣй—въ виду затрудненій и нуждъ въ денежныхъ средствахъ рѣшительно вернулся къ курсу, взятому его дядей Исаакиемъ: онъ ограничивалъ обширныя привилегіи монастырскихъ владѣній по уплатѣ разныхъ податей и повинностей, своевольно урѣзывалъ и даже отбиралъ ихъ въ казну.

Правда, встрѣтивъ серьезную оппозицію со стороны монашества, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и обѣщалъ возратить цѣну конфискованнаго, а въ 1082 г. издалъ новеллу, въ которой запрещалъ кому бы то ни было касаться церковно-монастырскихъ имуществъ. Но въ 1083 уже году послѣ взятія Дураццо Робертомъ Гвискарромъ, какъ рассказываетъ Анна Комнина (Alexias. V, 128), опять отобралъ у церквей ихъ золотыя и серебрянныя украшенія. Снова начался шумъ. Императора обвиняли въ иконоборчествѣ. И Алексѣю пришлось вповь торжественно извиняться, признать за собой долгъ церквамъ съ обязательствомъ погашать его ежегодными взносами.

Все это говорить за прочность анти-монастырскихъ тенденцій правительства Алексѣя I-го. И благорасположеніе къ св. Христодулу рисуется явленіемъ исключительнымъ. Вообще это время никакъ нельзя себѣ представить средой, въ которой зародилась и окрѣпла экскуссия и монастырская экзимирированность. Похоже на то, что эти явленія уже

1) Migne 122, 1190: « . . . Θεοῦ φιλάττων ἐντολὰς, ἀυτοκράτορ, πρῶτος, ταπεινός, καὶ γαληνός τυγχάνεις, Συμπᾶσιν ἄλλοις: σκευὴν τῆς μοναστηρίοις, Καὶ πλουτοποιεῖς θεωρεῖς ὑπερτάτοις . . . »

2) Migne 132, 1136.

давно занимали опредѣленное мѣсто въ жизни имперіи, что ими уже прочно обладали монастыри, но теперь ихъ приходится отстаивать отъ все усиливающихся нападений со стороны правительства. «Монастырство» то и дѣло становится въ оппозицію и оказывается настолько сильнымъ, что хотя сохраняетъ свои позиціи, но сохраняетъ не безъ усилій, что особенно ясно становится, если, миновавъ незначительную фигуру императора Іоанна, обратиться къ правленію Мануила... Это правленіе и характерно прежде всего тѣмъ, что съ одной стороны, весьма щедро надѣляя иммунитетами и привилегіями отдѣльные монастыри, оно съ другой стороны неуклонно проводило реформаціонныя попытки въ смыслѣ ограниченія монастырской самостоятельности. На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены любопытныя сообщенія Никиты Хоніата<sup>1)</sup>. Онъ указываетъ, что Мануилъ считалъ непростительной слабостью со стороны даже Алексѣя—его отношеніе къ монастырямъ и тотъ сложившійся порядокъ вещей, при которомъ люди даютъ обѣтъ монашества, оставаясь при этомъ богаче, чѣмъ міряне, болѣе увлечены житейскими заботами, чѣмъ они, —этотъ порядокъ ему казался ненормальнымъ. «Онъ постоянно упрекалъ и отца, и дѣда и прочихъ своихъ родственниковъ, которые строили монастыри и приписывали къ нимъ значительныя количества плодородной земли и зеленые луга. Онъ осуждалъ ихъ и ядовито смѣялся надъ ними не за то, что они часть своихъ богатствъ отдѣлили Богу, а за то, что хорошее дѣло сдѣлали дурнымъ. Мануилъ полагалъ, что жилища монаховъ слѣдуетъ устраивать въ укромныхъ захолустьяхъ и пустынныхъ странахъ, въ глубинѣ пещеръ и на вершинахъ горъ, а отъ великолѣпнаго города у Геллеспонта — бѣжать, какъ Одиссей бѣжалъ отъ соблазнительнаго пѣнія сиренъ».

Мануилъ не былъ принципіальнымъ гонителемъ иночества, даже напротивъ, онъ съ великимъ уваженіемъ отнесся къ самому институту. «Онъ полагалъ, говоритъ Никита Хоніатъ, что владѣніе имуществомъ и житейскія хлопоты отнимаютъ у людей, избравшихъ отшельничество, душевное спокойствіе и удаляютъ ихъ отъ жизни для Бога, въ чемъ собственно и заключается ихъ обѣтъ». Онъ даже пытался устроить образцовый, съ его точки зрѣнія, монастырь. При входѣ въ Босфоръ со стороны Чернаго моря, на мѣстѣ, называвшемся Катаскепой, онъ создалъ фронтистирій во имя Архангела Михаила. Собралъ сюда самыхъ славныхъ монаховъ и устроивъ имъ совершенно уединенную

1) Nicetae Chon. De Manuele Comneno. y Migne Patr. Graeca. t. 133.

жизнь, Мануилъ не надѣлилъ ихъ никакимъ имуществомъ, не далъ имъ ни земель, ни виноградниковъ, а назначилъ имъ изъ императорской казны денежныя выдачи, желая тѣмъ дать и будущимъ поколѣнiямъ примѣръ того, какъ нужно уготовлять трапезу отшельникамъ, людямъ неимущимъ и отрѣшившимся отъ земного. И другой такой же монастырь устроилъ онъ въ Киликіи, также не давъ ему никакихъ недвижимостей. Основная задача правительства Мануила — ясна: оно пыталось остановить неудержимый ростъ монастырскаго привилегированнаго землевладѣнiя. Замѣчательно тонко выдвигая доводы противъ него, дѣйствуя примѣрами, оно однако не было въ силахъ провести рѣшительную реформацію. Со старыми могучими монастырями приходилось дѣйствовать осторожно. Приходилось принимать успокоительныя мѣры.

Въ 1144 г. Мануилъ издалъ хрисовуль, которымъ обезпечивалась экскуссия кляриковъ — «Ἐφιλστομῆσατο (ὁ βασιλεὺς) πᾶσι . . . ἱερεῦσι καὶ δημοσιακοῖς τελεσταῖς οὗσι μὴ μόνον ἐξκουσεῖαν πάσης δημοσιακῆς ἐπηρείας, ἀλλὰ καὶ ἀτέλειαν τοῦ ζευγολογίου . . .<sup>1)</sup>».

На этотъ актъ франц. изслѣдователи (Monnier, Ferradou) ссылаются, какъ на доказательство благопріятнаго отношенiя Мануила къ монастырямъ. Но здѣсь несомнѣнная ошибка: иммунитетъ церкви и кляра это одно, а экскуссiя монастырей — это другое. Эти двѣ линiи выходили, можетъ быть и изъ одного источника, но потомъ развивались раздѣльно. Не просто старый иммунитетъ церкви вылился въ привилегіи монастырей.

Въ 1146 г. — изданъ былъ другой хрисовуль — «διερίζεμενον μὴ βλάπτεσθαι τὰ μοναστήρια ἐκ τοῦ ἴσως γωλεύειν κατὰ τι τὰ προσόντα τούτοις δικαιώματα». — Тѣмъ самымъ владѣнiя монастырей подтверждались за ними и даже запрещалось наносить ущербъ имъ въ томъ случаѣ, если оправдательные документы на право владѣнiя имѣніями оказывались не въ полной исправности.

Повидимому, однако, правительственные фискальные агенты продолжали чинить всякаго рода обиды и притѣсненiя монастырямъ. И вѣроятно, въ отвѣтъ на жалобы и прошенiя послѣднихъ — въ 1158 г. Мануилъ издалъ новый хрисовуль<sup>2)</sup>.

1) Zachariae, Jus Gr-rom. III. стр. 432.

2) Zachariae a Lingenthal, Jus Gr—Rom. III, 450 ff. Τοῖς τε κατ' αὐτὴν τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων διακειμένοις . . . μοναστηρίοις καὶ τοῖς κατὰ τὸ δυτικὸν μέρος τοῦ Στενοῦ, ἔσον τε κατ' ἀρχαῖον καὶ ἔσον πέρρωθεν ὡσαύτως καὶ τοῖς περὶ τὸν κόλπον τῆς Νικομηδείας καὶ

Въ немъ опредѣляется владѣть означеннымъ тамъ монастырямъ своими недвижимыми имуществами всякаго рода безъ всякихъ помѣхъ и ограниченій во всѣ времена, какъ даръ и благорасположеніе императора. Всѣ монастырскія земли признавались свободными отъ всякихъ новыхъ переписей<sup>1)</sup>.

Какъ бы мы согласно съ Киннамомъ<sup>2)</sup> и Вальсамономъ<sup>3)</sup> ни комментировали это мѣсто, мы не въ состояніи вытравить въ немъ того смысла, что на будущее время монастыри не имѣютъ права увеличивать свои поземельныя владѣнія или умножать число париковъ, на нихъ сидящихъ. И попытки Монье<sup>4)</sup>, а за нимъ Ферраду<sup>5)</sup> освободиться отъ этого указанія ссылкой на благопріятное вообще монастырямъ законодательство императора Мануила кажутся довольно слабыми. Несомнѣнно, приобретаетъ извѣстное значеніе и то сообщеніе Никиты Хоніата, которое упомянутымъ изслѣдователямъ кажется просто недоразумѣніемъ. Рассказывая объ отношеніи Мануила къ монастырямъ, этотъ историкъ заявляетъ: «Изъ желанія ли поддержать погибавшую и упавшую честь монашества, или изъ опасенія быть обличеннымъ въ сочувствіи къ тому, что самъ же въ другихъ порицалъ, Мануиль возстановилъ въ силѣ законъ, который данъ былъ истинно-достойнѣйшимъ императоромъ Никифоромъ Фокою, челоувѣкомъ съ богатырской силой и съ большимъ умомъ, — законъ, которымъ запрещалось увеличивать монастырское имущество (*νεαρὰν . . . παύουσαν τὰς μονὰς ἐμπλατύνεσθαι κτήσεσι*). Этотъ законъ отъ времени

μέχρι καὶ αὐτῆς τῆς Νικομηδείας καὶ τοῖς ἐν ταῖς νήσοις, τῇ Ὁξειᾷ, τῇ Πρώτῃ, τῇ Χαλκῇ, τῇ Πλατείᾳ, τῇ ἁγίᾳ Γλυκερίᾳ, τῇ Πριγκίπῳ, τῇ τοῦ Ἀντιγόνου, τῷ Τραχονησίῳ, τῇ Τερεβίνθῳ, τῷ ἁγίῳ Ἀνδρέῳ, τῷ ἁγίῳ Τρύφωνι, τῇ ἁγίῳ Ἐλευθερίῳ τῷ κώδωνι, τῷ Πελαγίῳ, τῇ Θεοτόκῳ, τῇ Μεσσηνσίῳ, τῇ Πατρῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Δημητρίῳ καὶ τοῖς ἐν ταῖς κτήσεσι τῶν Πορτῶν καὶ ἄχρι τῆς περιοχῆς τοῦ Ἀθούρα, καὶ ἀπλῶς τοῖς περὶ τῆς βασιλείδος τῶν πόλεων ἀσκουμένους μοναχοῖς ἀνδράσι καὶ γυναῖξί. . .

1) «Οὐκ ἔξεστα: οὐν οὔτε ἀναγραφῆ ἢ προκαθημένῳ οἰουδήτινος σεκρέτου ἢ ἐξισωτῇ ἢ ἐνεργούντι ἢ ἑτέρῳ τινὶ προσώπῳ τοῦ δημοσίου τὰ τῶν μοναστηρίων ἀκίνητα ἀναγράφεσθαι ἢ καταλογεῖν, ἢ ἀναζητεῖν μέτρα γῆς ἢ παροίκων ποσότητα, ἢ γῆς τὸ ὑπέρπλεον ἢ ὑπέριμνον ἢ τὸ ἀδίκως κατεχόμενον ἐξετάζειν». «Ἄλλ' ἔπει ἐξ προσταξέως τῆς βασιλείας μου μέλλουσι γενέσθαι πρακτικὰ, говорится дальше, τῶν σήμερον κατεχομένων παρὰ τῶν μονῶν ἀκινήτων καὶ παροίκων, τότε μόνον ὀκληθήσεται ἡ μονὴ καὶ τὸ ἀδίκως κατεχόμενον ἀφαιρηθήσεται, ὅτε ὁ ἀναγραφεὺς δεικνύει, ὡς ἐπέκεινα τοῦ περιορισμοῦ κατέχει ἢ μονὴ τόπια ἢ παροίκους ἢ ἕτερον δίκαιον. Οὐδὲ γὰρ ἐπ' ἀδείας ἔξουσιν αἱ μοναὶ τὰ σήμερον παρ' αὐτῶν κατεχόμενα, εἴτε πάροικοι εἶεν, εἴτε τόπια, εἴτε αὐτούργια, ἢ παυεῖν καὶ εἰς πληθυσμὸν ἄγειν πλείονα.

2) I. Cinnami VI, 8.

3) Balsamon — Σύνταγμα — VII, гл. IV и XII.

4) Etudes sur le droit byz. вл. Nouv. Rev. hist. 1892 г.

5) Ferradou — Des biens des monastères à Byzance — pp. 47 ff.

превратился было въ мертвую букву и потерялъ силу, но онъ воскресилъ его, согрѣвъ, какъ бы кровью, своими красными чернилами. . . ».

Разсказъ Хоніата настолько положительъ и увѣренъ, что не можетъ внушать никакихъ подозрѣній, если, конечно, не подходитъ къ нему съ предвзятой точкой зрѣнія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду именно повеллу 1158 г., въ которой главную силу придаетъ не успокаивающимъ предварительнымъ облегченіямъ и привилегіямъ, (которыя, если вдуматься, ничего и не давали монастырямъ), а послѣдней прибавкѣ о запрещеніи роста монастырской недвижимой собственности, — и въ этомъ правильно усматриваетъ реставрацію закона Никифора Фоки. Въ актахъ царствованія Мануила, касающихся монастырей вообще, вопреки утверженію французскихъ византийствовъ, преобладаютъ — и чѣмъ дальше, тѣмъ все явственнѣе — скорѣе недоброжелательныя ноты. И хотя въ 1159 г. издана была новелла, подтверждавшая права монастырей на неотъемлемое владѣніе недвижимыми имѣніями даже въ случаѣ наличности документовъ, доказывающихъ права казны на тѣ же владѣнія, все таки, въ 1176 г. правительство сочло возможнымъ рѣшительно открыть свои карты и издало новеллу, почти отмѣнявшую хрисовуллу 1158 г. — *ἀνατρέπον σχεδὸν τὸ τοιοῦτον εὐσεβέστατον καὶ εὐεργετικώτατον χρυσόβουλλον καὶ διὰ τοῦτο πάντα τὰ μοναστηριακὰ ἀκίνητα ὑπὸ τῶν ἀναγραφῶν ἠρπάζοντο*.

Позволю себѣ остановиться здѣсь въ своихъ наблюденіяхъ, которыхъ, думаю, достаточно для того, чтобы рѣшительно разстаться съ мыслью о появленіи и сложеніи экскуссіи или монастырской экзимированности въ эпоху императоровъ Комниновъ. Послѣдніе далеки отъ стремленій покровительствовать росту могущества и самостоятельности монастырей, поскольку имъ приходилось считаться уже съ его результатами. Правительство Комниновъ не настолько увѣрено въ своихъ силахъ, чтобы двинуть крутую реформу, поэтому оно во многомъ принуждено держаться старыхъ традицій въ отношеніи къ монастырямъ. Но частичныя попытки и удары по нимъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что выразительность и полнота хрисовуловъ съ экскуссіей этого времени вовсе не признакъ того, что самый институтъ переживалъ тогда свою лучшую пору.

И вообще, произвольно господствующее въ исторической литературѣ мнѣніе относительно экскуссіи, что она «довольно поздняго происхожденія», именно, «что съ XI вѣка являются въ византійской импе-

ріи иммунитеты и иммунитетныя грамоты», приходится, повидимому, оставить. Основывается оно какъ мы видѣли, на томъ, что хрисовулы, содержащія въ себѣ пожалованія, главнымъ образомъ, монастырямъ, имѣются въ нашемъ распоряженіи, (поскольку они напечатаны въ Acta Graeca Миклошича и Мюллера и отдѣльно) начиная съ половины XI в. Но если бы это было даже и такъ, то значить ли, что такихъ пожалованій до XI в. и не существовало? Думается, что нѣтъ: болѣе ранніе хрисовулы могли просто не дойти до насъ. Вѣдь вообще документальный матеріалъ по исторіи имперіи до XI в. пропалъ почти безслѣдно<sup>1)</sup>. Но возможно и иное предположеніе: хрисовулы, жаловавшіе эккуссіи, могли бы вести свое начало и съ XI в., но самая эккуссія, выражавшаяся какимъ либо инымъ способомъ, какъ общественное установленіе, должна была быть на лицо и раньше. Это вытекаетъ изъ тѣхъ наблюденій, какія мы сдѣлали выше при изученіи матеріала дипломовъ. Вѣдь непоколебимо впечатлѣніе, что въ нихъ увѣренно идетъ рѣчь объ отношеніяхъ и порядкахъ, давно уже, повидимому, и во всѣхъ подробностяхъ налаженныхъ, хорошо извѣстныхъ и ставшихъ нормой. Самые ранніе хрисовулы XI в. явно — далеко не первые опыты нарастающихъ эккуссій. Читая аккуратно перечисленныя льготы и изыятія въ грамотахъ XI в., наблюдая колебанія и помутнѣнія въ позднѣйшихъ, живо чувствуешь, что золотой вѣкъ монастырской экзимированности остался далеко позади. И можетъ быть «упорядоченіе» хрисовуловъ знаменовало собой уже значительное суженіе и убыль монастырской привилегированности. Препятствія экзимированности, нерасчлененная и хаотическая, сжалась до отчетливо ограниченной и канцелярски расчерченной, дипломированной эккуссіи, совершила путь отъ maximum'a къ minimum'у.

Но въ томъ то и дѣло, что въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько императорскихъ хрисовуловъ и грамотъ монастырямъ съ пожалованіемъ эккуссіи не только X-го, но даже и IX в. Не совсѣмъ

---

1) Въ частности — «старые» хрисовулы до половины XI в. могли въ большинствѣ своемъ не сохраниться потому, что «вторичная» антимонастырская реакція, имѣвшая мѣсто при императорахъ Никифорѣ Фокѣ и Иоаннѣ Цимисхиѣ, выразилась помимо знаменитыхъ новеллъ, очень можетъ быть, и въ уничтоженіи (временномъ) экзимированнаго положенія многихъ монастырей. Къ этой мысли склоняютъ несомнѣнность политическаго характера этой реакціи. Конецъ X-го и I-я половина XI в. — время новаго усиленія монастырства. Это — царствованія Василія II, Романа Аргира, Михаила IV Пафлагона, Константина Мономаха. Съ этого времени появляется и новая серія хрисовуловъ съ эккуссіей. См. Соколовъ — Состояніе монашества, стр. 130—137.

понятно, почему ученые, занимавшіеся «исторіей иммунигета» въ Византіи, какъ П. Яковенко, проф. Суворовъ, совершенно игнорировали эти раніе дипломы, которые, какъ мнѣ кажется, могутъ имѣть прямо рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи экскуссіи. Этихъ грамотъ, правда, не много: цѣликомъ онѣ упомянуты<sup>1)</sup> въ *Historische Denkmäler in den Klöstern des Athos I. Müller'a*<sup>2)</sup> и относятся исключительно къ монастырямъ Св. Горы; тѣмъ не менѣе данныя ихъ весьма опредѣленны, такъ что едва ли дозволятельно не считаются съ этими «хрисовулами до-хрисовуловъ». Вотъ они въ обратномъ порядкѣ: 1) Хрисовуль 960 г. императора Романа II аоонскому монастырю Іоанна Колова о передачѣ 40 париковъ, 2) Хрисовуль 958 г. Константина VI о владѣніяхъ Иверскаго монастыря, 3) Хрисовуль того же императора отъ 946 г., данный монастырю Іоанна Предтечи въ Фессалоникѣ, 4) Хрисовуль императора Романа и Константина отъ 934 (919?) года, утверждающій старыя пожалованія и свободу отъ всякихъ общественныхъ повинностей, 5) Хрисовуль императора Романа Лакапина о возстановленіи Ксиропотамскаго монастыря (924 г.), 6) Сигилліонъ императора Льва Философа<sup>3)</sup> 7) Хрисовуль императора Василя Македонянина (до 885 г.).

Для нашихъ задачъ особенно цѣнными являются четыре послѣднихъ изъ названныхъ дипломовъ. Хрисовуль 934 (919?) года имѣетъ видъ правильнаго оффиціального акта. Заголовокъ его: *Ἐν ὀνόματι πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος Ῥωμανὸς καὶ Κωνσταντῖνος Στέφανος καὶ Κωνσταντῖνος πιστοὶ βασιλεῖς Ῥωμαίων* — обычная, принятая формула для такого рода документовъ, равно какъ и краткое прооетіумъ, мотивирующее пожалованіе: «Продолжать добрыя дѣянія и подтверждать ихъ, но истинѣ, есть дѣло царскаго помышленія и попеченія, дабы доброе пребывало твердо и неизмѣнно во вѣки». Въ общемъ хрисовуль отличается лаконической краткостью, но это объясняется тѣмъ, что задачей его было только подтвердить тѣ «пожалованія аоонскимъ аскитамъ», которыя «были сдѣланы хрисовуломъ царствовавшихъ раньше». Поэтому «царственность наша, разсмотрѣвъ и уваживъ снѣй хрисовуль, подтверждаетъ его настоящимъ благочестивымъ златопечатнымъ словомъ своимъ. дабы охрану имѣли всѣ на этой горѣ подви-

1) Заимствовано отъ арх. Порфирія — *Исторія Афона* и ст. въ *Ж. М. Н. Пр.* 1847 г. ч. LX.

2) Въ *Miklosich's Slavische Bibliothek*, I (Wien 1851).

3) Арх. Порфирій (Нспенскій) относитъ его къ 887 г., по I. Миллеру — до 911 г.

зающіяся мужи божіи въ различныхъ жилищахъ и дабы вмѣстѣ съ ними и новосозданная обитель Іоанна Колова сподобилась такового же попеченія и владѣла бы околоткомъ Іерисса, и только; и *просто сказать*, все прочее, что прописано въ ономъ хрисовулѣ, соблюдалось бы непереложно, безъ прибавки и убавки, какой бы то ни было. Кромѣ того опредѣляемъ, чтобы и упомянутая въ ономъ хрисовулѣ древняя каѳедре старцевъ *оставалась свободной отъ всякаго принужденія, амаріи и ущерба, бывающаго, какъ водится, отъ епископовъ, начальства и отъ всякаго другаго лица, каковая свобода ѿ нея изничтожалась.* (ἀπὸ πάσης ἐπιτηρείας, ἀγχαρίας καὶ ζημίας, τῆς ὡς εἰκὸς ἐγγιγνομένης παρὰ τε ἐπίσκοπων καὶ ἀρχόντων καὶ ἄλλου παντός. . .).

Хрисовуль 924 г. составленъ напротивъ необычайно многословно и путанно, хотя и весьма характерно для византійскихъ официальныхъ бумагъ X в. Содержаніе его таково: императоръ Романъ Старшій реставрируетъ Ксиропотамскій монастырь, предоставляетъ ему святыни: частицу св. Древа, разные мощи, назначаетъ ему солемніи, выдачу изъ императорской казны по 1800 золотыхъ ежегодно. И только въ самомъ концѣ оный завершается предоставленіемъ экскуссіи въ нѣсколько шатающейся формулѣ, какъ это показано въ примѣчаніи<sup>1)</sup>.

Послѣдніе два изъ упомянутыхъ дипломовъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, и сигилліонъ Льва Философа самъ по себѣ не вводитъ ничего новаго, а даетъ разъясненія старѣйшему хрисовулу императора Василя I-го, который данъ былъ аѳонскимъ монахамъ по прошенію ихъ (черезъ посредство Іоанна Колова), такъ какъ ихъ тѣснили и чиновники, и жители близкихъ къ Аѳону деревень. Тотъ дипломъ, идущій, какъ полагаетъ арх. Порфирій (Успенскій)<sup>2)</sup>, отъ 872 г., слѣдуетъ считать чрезвычайно важнымъ. Даже въ томъ неполномъ, конспективномъ видѣ, въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ только что названному ученому, въ немъ явственно выдѣляются тѣ двѣ характерныя формулы экскуссіи, которыя обязательно входятъ, какъ мы отмѣчали выше, въ дипломы XI столѣтія<sup>3)</sup>:

1) α. . . "Ἐχθὲρ δὲ καὶ (ἡ σεβασμία μεγίστη μονή) τὴν δεσποτείαν, ἐπιχαρτίαν γὰρ καὶ τὰν εἰσόδημα τῶν ῥηθέντων ἀγίων περιωνύμων ναῶν ὡς ἰδία αὐτῆς κτήματα καὶ μετόχια διατηρουμένη καθάπαξ ἐκ παντὸς βασιλικῆς τε καὶ πατριαρχικῆς ἢ καὶ κοσμικῆς ἀξιώματος ἀτελής τε καὶ ἀνεπιτηρέαστος.

2) *Исторія Аѳона*. 7. III.

3) 1. Τοὺς τὸν ἐρημικὸν βίον ἐλαμένους . . . ἡ βασιλεία μου . . . (ιδιώρισην) . . . τοῦ λοιποῦ ἀδούρου καὶ ἀταράχους διαγείν. . . 2. καὶ ἐξασφαλιζόμεθα πάντας ἀπὸ τε στρατηγῶν βασιλικῶν ἀνθρώπων καὶ ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ δουλείαν καταπιστευομένου, ἔτι δὲ καὶ ἰδιώτας καὶ χωριάτας καὶ ἕως τοῦ ἐν τῷ μύλωνι ἀλήθοντος, ἵνα μὴ ὑπηρετήτῃ

Первая изъ нихъ передана здѣсь довольно невразумительно, такъ что въ ней едва возможно разглядѣть освобожденіе отъ повинностей и податей. Но что такоевое здѣсь заключено, свидѣтельствуется подтверждающій сигиліонъ Льва Философа (887 г.). Изъ него мы узнаемъ, что когда въ 886 г. умеръ имп. Василій и преемникомъ его сдѣлался его сынъ Левъ, то согласно закону всѣ землевладѣльцы должны были получить отъ новаго правительства грамоты, утверждавшія ихъ въ правахъ владѣнія. И монахи монастыря Іоанна Колова отправились въ Константинополь, но тамъ, стороной давши знать, что они испрашиваютъ сигиліонъ, подтверждающій сигиліонъ блаженной памяти имп. Василія, безсовѣстно подмѣнили разрядъ — типъ диплома, вмѣсто подтвердительнаго написали дарственный<sup>1)</sup>, и обозначая границы вписали почти весь Аѳонъ въ черту своего владѣнія и господства: всѣ деревни Спидрокавсійскія и Хломутлійскія и въ добавокъ монастыри Мустакона, Кардіогноста, Аѳанасія и Луки и такъ называемую каоедру Старцевъ . . . По жалобѣ аѳонскаго безмолвника, прота Андрея — было произведено разслѣдованіе особой комиссіей, которая установила, что всѣ эти мѣстности несправедливо вписаны въ императорскую грамоту, данную неправильно. «Узнавъ это, говорится въ сигиліонѣ, царственность наша... приказала разорвать оную грамоту, всѣмъ же подвизающимся на Аѳонѣ монахамъ *оставатся, по волю отца нашего, свободными отъ всякой тяготы и повинности, какая бываетъ обыкновенно*<sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ, императорскія золотыя грамоты съ пожалованіемъ изыятій и льготъ монастырямъ, мы застаемъ не только въ X-мъ, но и въ IX в., притомъ изыятія эти весьма опредѣленнаго состава. Даже больше. Изъ документовъ аѳонскихъ монастырей<sup>3)</sup> мы узнаемъ, что при Романѣ Старшемъ (919—945) село Ериссъ было превращено въ *καστρον* и въ околоткѣ его въ 942 г. были поселены «склавы

---

τίς τοὺς αὐτοὺς μοναχοὺς, ἀλλὰ μηδὲ, καθὼς ἐστὶ τοῦ Ἐρισσοῦ ἡ ἐνορία καὶ τὴν ἔσται πρὸς τὸ τοῦ Ἄθωνος ὄρος εἰσερχομέναι τινας, μήτε ποιμένας μετὰ τῶν ποιμνίων αὐτῶν, μήτε βουκόλους μετὰ βουκολίων αὐτῶν. . .

1) Ἀντὶ ἐπικυρωτικοῦ ἐποίησαν χρῆστικῆς σιγίλλιον.

2) Διαφυλάττεσθαι πάντα τοὺς ἐν Ἄθωνι σχολάζοντας μοναχοὺς ἀπαρενοχλήτους ἀπὸ παντοίας ἐπηρείας καὶ τῆς ὡς εἰκόσ ἐγγυνομένης παρενοχλήσεως. Ὡσαύτως καὶ τὰ χωρία κατέχειν ἀκλινοτόμητα τὰ ἴδια δίκαια. Τοὺς δὲ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ ἀρκεῖσθαι κατὰ τὴν χάρτην τοῦ ἐν τῇ θείᾳ λήξει πατρὸς ἡμῶν εἰς τὴν τῆς ἐνορίας τοῦ Ἐρισσοῦ διακράτησιν καὶ τὴν κατανομὴν μόνην τῶν Καμένων σὺν τοῖς τόποις τῶν ἀμπελώνων καὶ κηπουρίων αὐτῶν καὶ μόνον. . .

3) Д р х. Порфирііи — Історія Аѳона, 7. III.

булгары», которымъ правительство отвело часть земли монастыря Коловуйскаго, приносящую 1000 модіевъ зерна, сриссовцамъ продало ту государственную (ластовичную) землю на аѳонскомъ перешейкѣ, которую они прежде нанмали у него, а аѳонскимъ аскетамъ отмежевало ближе къ Аѳону неудобную землю. Отсюда возникло дѣло о размежеваніи земель аѳонитовъ и ериссовцевъ на перешейкѣ. Аѳонскіе монахи просили правительство о восстановленіи ихъ въ древнихъ правахъ и владѣніи. Въ Солуни, куда они были направлены, они передъ главнымъ эпоптомъ ссылались: 1) на старинныя межевыя книги солунскихъ эпоптовъ, 2) на хрисовуль императора Василія, подтвердившій за ними давнія владѣнія и 3) на *другіе хрисовулы имп. Константина Погоната, Юстиніана II, Θεοδοσία III, Константина и Ирины*.

Каковы были эти старинные, до-иконоборческіе хрисовулы, какія права и привилегіи монастыря они устанавливали, мы, конечно, не знаемъ, такъ какъ эти акты до насъ не дошли, но что рѣчь и въ нихъ шла о томъ же институтѣ, который позднѣе опредѣлялся терминомъ эккуссія, въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться въ данномъ контекстѣ<sup>1)</sup>.

### III.

Главный выводъ, къ которому привело насъ предшествующее изученіе дошедшихъ до насъ и извѣстныхъ намъ императорскихъ хрисовуловъ съ пожалованіемъ эккуссіи монастырямъ, заключается въ томъ, что начало эккуссіи слѣдуетъ искать не въ позднемъ XI вѣкѣ, что появленіе и сложеніе этого института, аналогичнаго западно-европейскому иммунитету, необходимо относить ко времени значительно болѣе раннему, къ VI—VII вв., а можетъ быть, и еще дальше.

Въ виду этого, при переходѣ къ вопросу о происхожденіи и значеніи эккуссіи, приходится рѣшительно разойтись съ тѣми попытками разрѣшенія его, какія до сихъ поръ были даны въ исторической литературѣ. Я разумѣю построенія проф. Н. С. Суворова и П. А. Яковенко<sup>2)</sup>. Первый предлагаетъ теорію заимствованія и, отказываясь

1) Не могу не высказать здѣсь сожалѣнія по поводу того, что война лишила меня возможности воспользоваться тѣми текстами раннихъ аѳонскихъ хрисовуловъ, которые вновь опубликованы въ Νέος Ἑλληνομνημίων — Σπ. Λάμπρος'α — за 1912 г. № 1 — 3.

2) Суворовъ — въ Виз. Врем. т. XII, стр. 199 — 233; П. Яковенко — Къ исторіи иммунитета въ Византіи стр. 31 — 71.

установить историческую связь между экскуссіей и *immunitas* римскаго права, настаиваетъ на перенесеніи западнаго «франкскаго» иммунитета въ Византію въ видѣ экскуссіи. Второй, въ противовѣсъ построенію проф. Суворова, выдвигаетъ мысль—о самостоятельномъ возникновеніи и развитіи экскуссіи въ Византіи, усиленно подчеркивая при этомъ полную аналогію образования иммунитета на Западѣ и на Востокѣ и приходя къ заключенію, что начало экскуссіи слѣдуетъ искать въ той политической неурядицѣ, которая возникла въ Византіи вслѣдствіе перерожденія римскихъ государственныхъ порядковъ. Не останавливаясь на детальномъ разборѣ этихъ теорій, скажу только, что въ соображеніяхъ П. Яковенко много правильнаго и дѣннаго, но и ему, какъ и проф. Суворову, окончательно разъяснить вопросъ по мѣшала общая обонимъ ученыхъ увѣренность въ появленія экскуссіи только съ XI-го вѣка.

Думается, что если носителями экскуссіи, сообщавшей самостоятельное положеніе въ государствѣ, были главнымъ образомъ, почти исключительно монастыри, то выяснить происхожденіе экскуссіи—значить прослѣдить исторію монастырей въ Восточной имперіи. Такую задачу въ общемъ объемѣ приходится однако признать почти невыполненной, такъ какъ относительно раннихъ періодовъ исторіи монастырей, по крайней мѣрѣ до VIII—IX в., мы обладаемъ крайне скудными данными. Мы можемъ воспользоваться здѣсь только законодательными памятниками. Но для нашей цѣли эти источники можно счесть всетаки удовлетворительными, такъ какъ главнымъ образомъ насъ въ данномъ случаѣ должно занимать именно отношеніе государства и его власти къ монастырямъ.

Припомнимъ прежде всего, что монастыри стали появляться въ имперіи и церкви по частному почину, и такъ какъ терминъ «учрежденіе» былъ чуждъ римскому праву, то и монастыри, и другіе «богочудные институты» (*privae causae*) проходили въ правовую жизнь *инкогнито*. Навѣрное, на первое время они должны были регистрироваться въ категоріи *collegia privata*, дозволенныхъ коллегій религіознаго характера. Въ такомъ смыслѣ, съ самаго начала, т. е. съ IV вѣка, монастыри были правоспособными юридическими субъектами, но отъ этого времени нѣтъ указаній на то, что они признавались *церковными* институтами. Лишь распоряженіемъ имп. Анастасія, распространившимъ на монастыри законъ о неотчуждаемости церковной собственности, они были сближены съ церковными «учре-

жденіями»<sup>1)</sup>. Императоръ Юстиніанъ, опредѣленно обозначая монастыри, какъ коллегіи, *consortia*, смотрѣлъ на нихъ, какъ на корпораціи съ религіозными цѣлями. Въ качествѣ таковыхъ монастыри въ новеллахъ выступаютъ вполне правоспособными собственниками<sup>2)</sup>. И въ общемъ, въ законодательствѣ этого императора явно видна тенденція уравнивать монастыри съ *ecclesiae*. Монастырь какъ церковь, долженъ былъ превратиться въ общественную святыню и охраняться правомъ. Но и самъ Юстиніанъ, и его преемники, создававшіе новые монастыри, продолжаютъ создавать ихъ какъ частныя лица. И послѣднія вообще не склонны отдавать церкви и государству созданныя ими учрежденія, стараются удержать ихъ въ своей собственности. Эти претензіи *ктиторовъ* не позволяли монастырю стать вполне «церковью».

Монастыри и церкви (хотя большинство первыхъ фактически обыкновенно включало въ себѣ вторыя) въ юридическомъ смыслѣ являлись, такъ сказать, представителями совершенно различныхъ принциповъ имущественнаго права. Этотъ вопросъ о формѣ церковно-имущественной охраны въ христіанской имперіи давно уже стоитъ въ наукѣ церковнаго права. Что такое—церковное имущество, въ какомъ смыслѣ церковь и ея учрежденія являются субъектами гражданскихъ правъ, въ какой степени и формѣ церковь признавалась таковымъ со стороны государства — и т. д., все это вопросы которые въ примѣненіи къ Римской имперіи разрѣшались изслѣдователями, какъ иностранцами, такъ и русскими, весьма не одинаково. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этой давнишней полемикѣ въ ея полномъ объемѣ. Для насъ въ данномъ случаѣ полезно выдѣлить лишь одинъ моментъ въ ней: положеніе церковнаго имущества въ гражданскомъ правѣ, т. е. что слѣдуетъ считать дѣйствительною формою церковно-имущественной охраны въ христіанской имперіи. Владѣла ли церковь и ея «учрежденія» вообще собственностью и если да, то на какомъ юридическомъ основаніи.

Изъ разнообразныхъ разрѣшеній этого вопроса, несомнѣнно, какъ наиболѣе опредѣленные, представляются тѣ два, которыя были поддержаны и заново аргументированы сравнительно недавно въ нашей

1) Cod. Iust. L. 1—Si monachus... nullo condito testamento decesserit... bona. quae ad eum pertinuerint... monasterio socientur.

2) ...Res omnes sacrosanctum monasterium pleno habeat dominio... При томъ дальше: sancimus res ad monasteria ...pertinentes .. lucrativorum inscriptionibus liberat immunesque esse...

церковно - юридической литературѣ Пл. Соколовымъ и іером. Михайломъ.

Въ своей диссертациі: «Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи» <sup>1)</sup> первый изъ названныхъ ученыхъ выдвигаетъ институтъ *dominium sub modo*, какъ принципъ церковно-имущественной охраны. Сущность его состояла въ томъ <sup>2)</sup>, что собственникъ отдѣляетъ часть своего имущества для какой нибудь цѣли, обязуясь не измѣнять этой цѣли ни въ какомъ случаѣ. Обязательная цѣль употребленія собственности и есть *modus*, а владѣніе, соединенное съ нимъ—*dominium sub modo*. Собственникъ въ указанномъ случаѣ ограничиваетъ себя въ отношеніи свободы пользованія той частью имущества, которая отдѣлена для извѣстной цѣли, но онъ можетъ въ полной мѣрѣ сохранить право собственности (*dominium*) по отношенію къ этой части. Онъ остается ея собственникомъ и владѣльцемъ (*dominus et possessor*). *Modus* не ограничивалъ ни въ объемѣ, ни въ интенсивности правъ, опредѣлялъ только назначеніе вещи. Такой родъ владѣнія былъ очень распространенъ въ римскомъ правѣ, а съ признаніемъ христіанства получилъ очень широкое, почти исключительное примѣненіе въ сферѣ церковно - имущественнаго права. По законодательству Юстиніана церковныя имущества и являются имуществами подлежащими надзору церковной власти, слѣдующей лишь за неукоснительнымъ выполненіемъ *modus'a*. Церковное имущество—это собственно имущество отдѣленное, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, для церковныхъ цѣлей. Продолжая этотъ выводъ, легко признать, что церковная собственность и не есть настоящая собственность церкви.

Іеромонахъ Михайлъ <sup>3)</sup>, отказываясь признать наличность въ римско - византійскомъ правѣ вообще и въ церковно - имущественномъ въ частности чего либо похожаго на институтъ *dominium sub modo*, выдвигаетъ другой институтъ «*res sacrae*», какъ истинную форму церковно-имущественной охраны, и старается показать, что императорское законодательство перенесло на церковныя имущества положенія старо-римскаго языческаго права о храмовой собственности. Отвергая принятый въ наукѣ взглядъ, что институтъ *res sacrae* опредѣлялъ только

1) Новгородъ, 1896 г.

2) См. Іером. Михайлъ, Законодательство римско-виз. имп. стр. 19 и слѣд. Казань. 1901 г.

3) Законодательство римско - византійскихъ императоровъ о вѣншихъ правахъ и преимуществахъ Церкви.

назначеніе вещи, а не ея собственника и слѣдовательно, что *res sacrae* языческаго періода были видомъ казенныхъ имуществъ, онъ настаиваетъ на томъ, что собственникомъ въ языческомъ правѣ было божество отдѣльнаго храма, но не какъ *universitas*, а какъ *persona*, какъ живой и между людьми дѣйствующій индивидуумъ. Только это—собственникъ, такъ сказать, идеальный, а фактическимъ, т. е. пользующимся выгодами владѣнія являлся *храмъ* <sup>1)</sup>). *Jus sacrum* исключаетъ *condominium*. И государство могло считать себя собственникомъ храмовыхъ имуществъ лишь постольку, поскольку ему приписывается право *dominii eminentis* по отношенію къ землѣ, рабамъ и т. д. Далѣе авторъ доказываетъ, что *proprietas dei*, допустима съ языческой точки зрѣнія, допустима и въ христіанскомъ церковно-имущественномъ правѣ. При этомъ онъ возражаетъ Хюблеру <sup>2)</sup>, и Пл. Соколову, которые считаютъ, что для христіанъ воззрѣніе на божество, какъ на собственника, было бы чистѣйшимъ богохульствомъ. Онъ указываетъ, что въ христіанской *церкви* церковныя «имущества» всегда назывались имуществомъ Господнимъ (*τὰ κυριακά, τὰ τοῦ Θεοῦ, Χριστοῦ...*). Съ строго юридической точки зрѣнія собственникомъ церковныхъ имуществъ является Христосъ и святые, но императорское законодательство IV—VI вв. замѣтно склонялось къ признанію въ качествѣ факческаго собственника отдѣльнаго, представляемаго зданіемъ, церковнаго института, оставляя за Христомъ и святыми мѣсто только «верховнаго охранителя достоянія Господня».

Нетрудно замѣтить нетвердость и искусственность этого построенія: оно не даетъ категорическаго отвѣта на вопросъ о собственникѣ, субъектѣ гражданскихъ правъ, скорѣе даже затуманиваетъ его, раздваивая право собственности. А въ тоже время несомнѣнно (и это признаетъ самъ авторъ), что далеко не всѣ «церковныя имущества» могли воспользоваться охраной къ качествѣ *res sacrae*. Для этого требовалось личное освященіе зданія епископомъ. Но даже не всѣ церкви могли удовлетворить этому требованію. Учрежденія же благотворительности и монастыри и совѣмъ не подходили подъ эту рубрику. Правда, Юстиніанъ пытается подвести послѣдніе подъ понятія *sacra*. Онъ употребляетъ термины *sacrae domus, sacrosancta loca* въ отношеніи къ *rae causae*, подчеркивая церковно-публичный характеръ

1) См. также Суворовъ—Объ юрид. лицах., 172.

2) Häbler, Eigenthümer d. kirchl. Guts.

ихъ. Точно такъ же называется монастыри *sacra collegia*, самое зданіе—монастырь отождествляетъ съ церковью-храмомъ. Но все это лишь показываетъ, насколько выродился къ тому времени старинный институтъ *res sacrae*: терминъ *sacer* постоянно смѣшивается съ *sanctus*. А главное, самъ же Юстиніанъ и его современники, и послѣдующія поколѣнія продолжаютъ создавать монастыри, какъ частную собственность.

Вспомнимъ знаменитое мѣсто изъ правилъ Двукратнаго Собора. Канонъ этотъ изданъ былъ позже Юстиніана, но, какъ справедливо замѣчаетъ іер. Михайлъ, ссылка на него дозволительна потому, что онъ представляетъ собой церковный комментарий къ узаконеніямъ 5-ой и 67-ой новеллъ <sup>1)</sup>.

«Созиданіе монастырей, говорится здѣсь, находится нынѣ въ худомъ положеніи. Ибо нѣкоторые, давъ своимъ имѣніямъ и усадьбамъ имя монастыря и обѣщавшись оныя посвятить Богу, пишутъ себя владѣльцами пожертвованнаго. Они ухищренно умыслили посвятить Богу единое наименованіе, ибо не стыдятся усвоить себѣ ту же власть и послѣ пожертвованія, какую не возбранялось имѣть имъ прежде. И такое корчемство примѣшалось къ этому дѣлу, что къ удивленію и огорченію видящихъ, многое изъ посвященнаго Богу явно продается самими посвятившими. И не только нѣтъ въ нихъ раскаянія о томъ, что попускаютъ себѣ властвованіе надъ тѣмъ, что единожды уже посвятили Богу, но и другимъ безстрашно передаютъ оное. Того ради, святой соборъ опредѣлилъ: да не будетъ позволено никому созидать монастырь безъ вѣдѣнія и соизволенія епископа, но съ его вѣдѣнія и разрѣшенія и съ совершеніемъ подобающей молитвы, какъ древле богоугодно законоположено, монастырь да созидается, все же къ нему принадлежащее купно съ нимъ самимъ да вносится въ книгу, которая и да хранится въ епископскомъ архивѣ; и пожертвователь безъ воли епископа отнюдь не имѣетъ дерзновенія самого себя или вмѣсто себя другого поставить игуменомъ. Ибо если не можетъ кто либо быть обладателемъ того, что подарено человѣку, то какъ можетъ быть допущено кому восхищать обладаніе тѣмъ, что онъ посвящаетъ и приноситъ Богу?».

Отцы собора признали, что дѣло созиданія монастырей, какъ оно установилось и стало обычнымъ въ имперіи, ненормально. Она пыта-

1) *Op. cit.* стр. 32.

ются провести *реформу*, ту же, что пытался, и какъ видно, неудачно. провести Юстиніанъ своей новеллой 5<sup>1)</sup>.

Замѣтивъ мимоходомъ, что въ означенной здѣсь консекраціи нѣтъ никакихъ основаній видѣть что либо, кромѣ акта чисто церковнаго, который не предполагаетъ правовыхъ послѣдствій, обратимъ вниманіе на то, что отцы собора стремятся пойти дальше Юстиніана: косвенно и нерѣшительно они заявляютъ притязаніе на перенесеніе собственности путемъ посвященія монастырю (Богу). Извѣстно, что реформа эта не удалась; она и не могла оказаться удачной, поскольку для жертвователей и ктиторовъ монастырей она была просто неприемлемой — и проведеніе ея должно было приостановить ростъ новыхъ монастырей. Церковь стремилась лишь къ возможно большому извлеченію выгодъ для себя изъ созиданія обителей и къ возможно большому вмѣшательству въ ихъ жизнь. И только почти несбыточный тахімумъ заключался въ уничтоженіи такъ называемаго «ктиторства», въ которомъ, какъ оно появилось въ жизни имперіи и сложилось, церковь въ лицѣ носителей власти — епископовъ, естественно, должна была чувствовать опаснаго конкурента.

Такимъ образомъ болѣе всего похоже на то, что церковь лишь искала въ дѣлѣ организациіи монастырей защиты отъ посягательства на ея интересы въ законоположеніяхъ о правовой охранѣ *quasi-regum sacrum*. Въ дѣйствительности же здѣсь имѣли силу принципы близкіе къ тѣмъ, которые Пл. Соколовъ обозначилъ категоріей *dominium sub modo* и *pollicitatio*. Это и есть, несомнѣнно *ктиторство*, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій византійской жизни.

Исслѣдователи, занимавшіеся этимъ «ктиторскимъ правомъ», и спеціально посвятившія вопросу о *κτιτορικὸν δίκαιον* свою диссертацию — Чишманъ<sup>2)</sup>, считаютъ его довольно позднимъ установленіемъ. расцвѣтъ его относятъ къ XI — XIII вв. — и это главнымъ образомъ потому, что относительно болѣе раннихъ эпохъ «въ нашемъ распоряженіи находится недостаточно матеріала для того, чтобы подробно и полно охарактеризовать отношенія ктитора къ церкви, его права и

1) *Illud igitur ante omnia dicendum est, ut quocumque tempore et quocumque nostri imperii loco quis venerabile monasterium aedificare voluerit, non prius ei id facere liceat, quam Dei amantissimum illius loci episcopum advocaverit atque hic manibus ad coelum extensis precatone locum deo consecret, figens in eo salutis nostrae signum».*

2) *Zhischmann. Das Stifterrecht — τὸ κτιτορικὸν δίκαιον in der morgenl. Kirche. Wien 1880.*

обязанности». Какъ и относительно экскуссии слѣдуетъ замѣтить, что этотъ доводъ а silentio является не особенно убѣдительнымъ.

Утверждаютъ, что въ эпоху Юстиніана ктиторское право только еще возникаетъ, по крайней мѣрѣ таковымъ его разсматриваетъ предисловіе къ новеллѣ 67 <sup>1)</sup>. Но въ этомъ предисловіи нельзя однако усмотрѣть признаковъ того, что «зло» только что возникаетъ. «Многіе» такъ дѣлаютъ, большинство, т. е. обыкновенно и привычно. Похоже на то, что уже въ VI в. монастыри возникали почти исключительно такимъ образомъ. Едва ли есть серьезныя основанія и рѣшительнымъ образомъ различать «раннее» и «позднее» ктиторство, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи <sup>2)</sup>. Относительно «поздняго» никто, кажется, особенно не отрицаетъ сравнительно весьма значительныхъ правъ ктитора во владѣніи и распоряженіи имуществами созданнаго имъ монастыря <sup>3)</sup>.

Если мы и встрѣчаемся съ утверженіемъ, что ктиторъ, какъ патронъ на западѣ, не имѣетъ ни права управленія, ни права распоряженія въ учрежденномъ имъ церковномъ имуществѣ, то ясно, что оно обусловлено неправильнымъ отождествленіемъ восточнаго ктиторства съ западнымъ jus patronatus. На мой взглядъ, вполне правъ г. Пл. Соколовъ <sup>4)</sup>, указывающій, что jus patronatus разсматривается какъ *привилегія*, предоставляемая со стороны церкви лицу, устроившему храмъ на свои средства; оно не вытекаетъ изъ права собственности, какъ ктиторство, являющееся поэтому не привилегіей, а обязанностью, возложенной на собственника монастыря или храма въ церковныхъ интересахъ.

Синодъ и опредѣляетъ право ктитора какъ право дѣлать все, что можно дѣлать собственникамъ въ святыхъ вещахъ <sup>5)</sup>.

1) Вотъ это praefatio: Καὶ τὰ περὶ τῶν ἀγιωτάτων ἐκκλησιῶν πολλοὺς περιλαβόντες νόμοις, εἶτι καὶ ἐτέρου δέσμεθα πρὸς τὰς ἀνακυψάσας τῶν ὑποθέσεων καὶ αὐθις ἀναφουρένας ἀρχοῦντως. Πολλοὶ γὰρ ὀνόματος ἔνεκεν πρὸς ποιήσιν ἀγιωτάτων ἐκκλησιῶν ὀρμῶσιν, εἴτα ταύτας οἰκοδομησάμενοι οὐκ εἶτι φροντίδα τίθενται τοῦ καὶ δαπάνην αὐταῖς ἀφορίσαι: πρέπουσαν εἰς τε λυχνοκαίην, εἰς τε τὴν προσεδρευόντων ἀποτροφὴν καὶ τὴν ἱερὰν λειτουργίαν, ἀλλὰ κατὰλιμπάνουσιν αὐτάς ἐν γυμνοῖς οὐσας οἰκοδομήμασι: καὶ ἢ καταλυομένας ἢ πάσης ἱερᾶς λειτουργίας: ἐστερημένας.

2) Напр. ier. Михаилъ op. cit—134 слѣд.

3) См. Zhismani, op. cit. стр. 40 ff. Суворовъ — О юрид. лицахъ въ римск. правѣ 212 сл. Соколовъ—Op. cit 60 сл. и др., даже Гером. Михаилъ стр. 144.

4) op. cit 242 ff.

5) Acta Patr. II. 408; Πάντα ποιεῖν... ὅσα τοῖς κυρίοις εἴςεστι ποιεῖν ἐν τοῖς ἱεροῖς πράγμασι.

Совершенно вѣрно въ юридическомъ смыслѣ и то, что патронать есть система правъ, а киторство — совокупность ограниченнй собственности, давнаго своей собственности специальное назначеніе.

Опредѣлять киторское право, какъ объемъ тѣхъ правъ, которыя пріобрѣтаетъ физическое или юридическое лицо путемъ сооруженія церковнаго учрежденія <sup>1)</sup> — представляется не болѣе, какъ недоразумѣніемъ. Непонятно, почему рѣшающимъ моментомъ для присужденія киторскаго права считается формальная передача киторомъ имущества, опредѣленныхъ для сооруженія и содержанія церковнаго института. Что черезъ эту передачу совершается осуществленіе обѣщанія строителя, съ этимъ можно согласиться, но никакъ нельзя принять того, что посвященіе (*ἀφιέρωσις*) такъ уже рѣшительно выводило имущество изъ его прежняго состоянія, т. е. что правовыя слѣдствія посвященія заключались въ переходѣ учрежденія съ опредѣленными на него движимыми и недвижимыми имуществами въ полное владѣніе церкви. Киторъ въ актѣ посвященія принималъ на себя цѣлый рядъ обязанностей и ограниченій по отношенію къ своей собственности въ пользу церкви, но въ этомъ актѣ не было момента отказа китора отъ нея, момента полного отчужденія. Онъ все же оставался *domini loco* для посвященнаго имущества. И опредѣлять киторство, пользуясь терминологіей Теринга <sup>2)</sup>, какъ «уваженіе къ прежнему собственнику вещи» — просто юридическая ошибка. Киторъ пріобрѣталъ почетный титулъ — строителя, что и привлекало честолюбивыхъ людей къ этому дѣлу, но онъ, конечно, не смѣнялъ при этомъ *χρηστότης* на патронать.

Мы не считаемъ возможнымъ въ данной связи входить во всѣ подробности этого сложнаго вопроса о киторствѣ, такъ какъ это завело бы насъ далеко отъ нашей темы. Отмѣчу лишь, что если раннес киторство VI—VIII в. разсматривать какъ отказъ собственника отъ своихъ имущественныхъ правъ въ пользу церкви, то совершенно непонятнымъ останется отношеніе церкви къ этому институту какъ къ великому злу. Непонятна и та борьба съ киторствомъ, отголоски которой мы слышимъ въ приведенномъ выше мнѣніи отцовъ Двухкратнаго собора. Наконецъ, перестаетъ имѣть смыслъ и повелла 67 Юстиніана <sup>3)</sup>.

1) *Zhischmann* — *op. cit.*, 13.

2) См. *Гер. Михайлъ op. cit.* 135.

3) См. также еще на *Nov.* 7. (*Zach.* 15), XI: Ἐπειδὴ δὲ ἔγνωμεν δεῖνόν τι πλημμέλημα γινόμενον παρὰ τὰ Ἀλεξανδρεῖσι καὶ Αἰγυπτίοις, ἧδη δὲ καὶ ἐν τισὶν ἑτέροις τῶν ὑπερκάων τόποις, τὸ πινὰς θαρραῖν αὐτὰ δὴ τὰ εὐαγῆ μοναστήρια πωλεῖν, ἢ ἀμείβειν, ἢ δωρεῖσθαι ἐν οἷς θυσιαστήριον τε καθ' ὁρμήν. καὶ ἱερὰ γέγονε λειτουργίᾳ .. μοναχικῆ τε ἐκείσε γέγονεν

Нужно полагать, что, по крайней мѣрѣ, созиданіе *монастырей*, изъ которыхъ многіе подолгу оставались безъ храмовъ, начиная съ эпохи Юстиніана, которую справедливо считаютъ золотымъ вѣкомъ монастырства — въ достаточной степени являлось не столько дѣломъ благочестія, сколько способомъ устройства недвижимыхъ имуществъ, казавшимся наиболѣе выгоднымъ и надежнымъ. Со стороны императора, который главнымъ образомъ и создавалъ новые монастыри, это было, какъ онъ самъ признавался въ новеллѣ 133, «отличной политикой» и средствомъ «укрѣпленія государства», смыслъ чего Прокопій такъ ядовито раскрываетъ въ XIII гл. своихъ анекдотовъ: «Юстиніанъ, захватывая незаконно имущество и живыхъ, и мертвыхъ и посвящая его монастырю, прикрывался маской благочестія, чтобы имѣть основаніе никогда не возвращать отобраннаго тѣмъ, кто потерпѣлъ насиліе». Со стороны же прочихъ реорганизаторовъ своихъ имѣній въ монастыри, обыкновенно, людей видныхъ и богатыхъ, это было въ значительной мѣрѣ средствомъ избѣжать насилія со стороны правительства, о которомъ говорятъ Прокопій. Но и при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда никакой правительственной угрозы не было, превратить свое имѣніе въ монастырь было въ тѣ беспокойныя времена едва-ли не наиболѣе выгодной операціей для крупныхъ землевладѣльцевъ, съ великимъ трудомъ и посредствомъ огромныхъ льготъ привлекавшихъ рабочія силы на свои, по большей части пустовавшія, земли. Превращаясь въ монастырь, такое имѣніе очень быстро и легко добывалось значительныхъ привилегій и изъятій, которыя часто не распространялись на него, поскольку оно не подходило подъ типъ сальтусовъ. А между тѣмъ есть основанія предполагать, что монастырское землевладѣніе строилось именно по типу экзмированныхъ, автономныхъ сальтусовъ. Относительно большинства монастырей, основанныхъ императорами на своихъ или казенныхъ земляхъ, въ этомъ смыслѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Здѣсь, конечно, продолжали имѣть силу тѣ порядки, которые существовали и раньше. Такихъ императорскихъ монастырей (*μοναὶ βασιλικαί*), судя по указа-

---

οὐκ ἔστιν, ὥστε αὐτὰ μεταβαλεῖν ἐξ ἱεροῦ καὶ θεοφιλοῦς σχήματος εἰς ἰδιωτικὴν δίκαιαν τε καὶ κατὰστασιν, τοῦτο παντελῶς τοῦ λοιποῦ γίνεσθαι κωλύομεν». Это запрещеніе предполагаетъ не только возможность, но и обыкновенность принадлежности монастыря простому частному человѣку. Далѣе — Nov. 46, III имѣеть дѣло съ монастырями, принадлежащими Великой церкви (ὅπ' αὐτὴν τὴν ἀγιωτάτην μεγίστην ἐκκλησίαν); въ Nov 120 названы епископы. ἔχοντες ὑπὸ τὴν ἰδίαν δικαιοδοσίαν... μοναστήρια...

ніямъ Дюкаижа въ Constantinopolis christiana <sup>1)</sup> было и въ VI и въ послѣдующихъ вѣкахъ въ имперіи довольно внушительное количество. Наряду съ такими «монастырями—сальтусами» начиная съ Юстиніана — выдвигается другая, приближающаяся къ нимъ и легко сливающаяся съ ними категорія казенныхъ монастырей (*monasteria fisci*). Правда, упоминаніе о нихъ мы находимъ въ сравнительно позднемъ памятникѣ, въ новеллѣ 37 императора Алексѣя Комнина, (anno. 1082 vel 1097 vel 1112) — *de jure patriarchae circa monasteria* <sup>2)</sup>. Но это дѣла не мѣняетъ. Фискальные монастыри и раньше, и всегда могли возникнуть или по правительственному почину на земляхъ фиска, которыя въ VI в. уже не отячались отъ *patrimonium* и *res privata*, или же основанные на земляхъ частныхъ лицъ, перешли въ руки фиска вслѣдствіе конфискаціи или иной подобной операціи. При многочисленности революцій въ имперіи за эти столѣтія, такія экспроприаціи, иногда очень значительныя, должны были повторяться весьма часто. •

Кажется, можно не сомнѣваться въ томъ, что императоры, являвшіеся ктиторами этого разряда монастырей, были ихъ собственниками и совершенно полновластно распоряжались получавшимися съ нихъ доходами. Нѣкоторыя права чисто духовнаго характера относительно такихъ монастырей признавались лишь за патріархомъ. О нихъ и говорить какъ разъ новелла Алексѣя Комнина 1082—1097 г. Вѣроятно же всего, что приблизительно тѣ же нормы опредѣляли вліяніе церковной власти въ императорскихъ монастыряхъ и въ болѣе раннее время. Но въ документахъ поздняго времени (XI—XIII вв.), опубликованныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ, мы не разъ сталкиваемся съ обозначеніемъ императорскихъ монастырей—еще и автодеспотическими (*αὐτοδέσποτα* <sup>3)</sup>). Казалось бы, что эти обозначенія исключаютъ другъ друга: если монастырь является собственностью императора, какимъ образомъ онъ могъ обладать собственными *κατοχὴ καὶ νομὴ καὶ δεσποτεία καὶ χρισότης*? Мено. что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высшей степенью привилегированности и экзимирированности монастырей, пользовавшихся особымъ покровительствомъ императоровъ. Послѣдніе, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, рѣшались надѣлять излюбленные монастыри тѣми выгодами, которыя они до того получали съ нихъ.

1) Lib. III, p. 2...

2) Zachariae. Jus g.-r. III—стр. 407 ff.

3) Напр. V, 276: VI, 276...

Ссылаются при этомъ обыкновенно<sup>1)</sup> на довольно извѣстное сообщеніе Теофана о жестокихъ узаконеніяхъ иконоборческаго императора Никифора. Между прочимъ этотъ императоръ обязалъ платить *хатихъ*—коловновъ, сидѣвшихъ на земляхъ императорскихъ монастырей. О колонахъ монастырей иныхъ категорій Теофанъ ничего не упоминаетъ. Отсюда замѣчаютъ, что многіе изъ императорскихъ монастырей оказывались не собственностью императора, такъ какъ иначе нельзя понять смысла мѣропріятія Никифора. Надо сознаться, правда, что весь этотъ эпизодъ, излагающій жестокости императора Никифора, весьма невразумителенъ и неясенъ у Теофана. Затѣмъ, надо принять въ соображеніе, что все это происходитъ въ разгаръ иконоборчества, когда существованіе монастырей было выбито изъ обычной, нормальной колеи. Но пусть такъ, пусть передача Теофана точна. Мы готовы признать, что изъ императорскихъ монастырей выдѣлялась часть, въ которыхъ императоръ не осуществлялъ, въ видѣ особой привилегіи монастырю, своихъ правъ собственника и распорядителя. Такъ было въ XII—XIII вв., такъ было, навѣрное, и въ VIII в. Но эта «автодеспотичность», какъ вѣнецъ экзимирированности монастыря, всегда и обязательно вытекала изъ спеціальнаго императорскаго пожалованія—въ формѣ хрисовула. Это только еще крѣпче подтверждаетъ ту мысль, что и вообще, всѣ монастыри, основанные императорами, пользовались преимуществами и изытціями, сближавшими ихъ съ территоріями, носившими раньше названіе *сальтусовъ*. Я настаиваю на этой мысли потому, что въ исторической литературѣ склонны были многіе выводить иммунитетъ монастырей изъ тѣхъ льготъ и изытцій, которыми обладала вообще церковь и ея учрежденія въ Римской имперіи.

Необходимо ясно представить себѣ исторію иммунитета церкви, начиная съ момента ея соединенія съ государствомъ, чтобы убѣдиться, что эккуссия, которая потомъ жаловалась монастырямъ, не могла развиться отсюда. Это явленіе совершенно различныхъ порядковъ.

Иммунность христіанскихъ церквей до нѣкоторой степени, несомнѣнно, была унаслѣдована отъ таковой же языческихъ храмовъ, которые рассматривались какъ *res publicae* и не подлежали государ-

---

1) См. Ferradou и Monner—*op. cit.*

ственнымъ налогамъ. Черезъ два года послѣ Миланскаго эдикта, закономъ 315 г. <sup>1)</sup> императоръ Константинъ провозглашалъ: *Praeter privatas res nostras et ecclesias catholicas et domum . . . nemo ex nostra jussione praecipuis emolumentis familiaris juvetur substantiae*. При этомъ характерно было здѣсь именно сближеніе въ свободѣ отъ всѣхъ податей—церквей съ императорскими имуществами.

Однако при императорѣ Констанціи <sup>2)</sup> свобода церкви отъ всѣхъ податей рѣшительно уже ограничивается и притомъ навсегда, такъ какъ никогда позднѣе императорскія распоряженія не распространяли такого полнаго имущественнаго иммунитета на всю церковь въ ея цѣломъ. Изъ приведеннаго текста явствуетъ, что на соборѣ въ Римини 359 г. къ императору обращались съ просьбой даровать церкви освобожденіе отъ всѣхъ податей. Значитъ законъ Константина былъ уже въ то время отмѣненъ. А закономъ 360 года церкви предоставляется лишь свобода отъ экстраординарныхъ налоговъ.

Въ царствованіе Юліана церковь, конечно, была лишена всѣхъ своихъ преимуществъ <sup>3)</sup>.

Мы не знаемъ, въ какихъ размѣрахъ возстановилъ эти имущественныя привилегіи церкви Іовіанъ, такъ какъ до насъ не дошло его реституціоннаго эдикта. Мы принуждены поэтому полагаться на сообщеніе Созомена <sup>4)</sup> о томъ, что Іовіанъ «*ecclesiis... immunitates restituit et quidquid antea ad utilitatem atque honorem religionis nostrae a Constantino ejusque liberis donatum sanctitumve et postea Iuliani temporibus ademptum fuerat*». Неопредѣленъ по своему содержанію и законъ Валента <sup>5)</sup>.

Лишь въ законѣ императора Θεодосія отъ 382 г. <sup>6)</sup> опредѣленно предписано возвратить церкви права, отнятыя у нея Юліаномъ, *vetusto more durante*, причемъ устанавливается ея свобода отъ *munera sor-*

1) Cod. Theod. XI, 1.

2) 15. C. th. XVI, 2. «*In Ariminensi synodo super ecclesiarum et clericorum privilegiis tractatu habito usque eo dispositio progressa est, ut juga, quae videntur ad ecclesiam pertinere, a publica functione cessarent inquietudine desistente, quod nostra videtur dudum sanctio repulisse*».

3) 10 Cod. Theod. XI, 16. «*Omnia, quae consuetudo vel dispositio nostra amplectitur hoc est cursum publicum, translationes, itinerum sollicitudines ceteraque similia cuncti possessores implere pariter compellantur*». См. еще: 1. Cod. Th. X, 3; 5. XII, 1: 4. XIII, 1...

4) Sozomeni. Hist. eccles. VI, 3.

5) II Cod. Th. XI, 16.

6) 15. Cod. Th. XI, 16.

*didā* (*munera extraordinaria* должны платить всё безъ исключенія <sup>1)</sup>, которыя и перечисляются <sup>2)</sup>).

Такое же распоряженіе для западной половины имперіи издано было Валентиніаномъ II въ 390 г. Какъ бы ни объясняли то обстоятельство, что церкви привлечены были въ качествѣ плательщиковъ экстраординарныхъ взносовъ, ссылаясь на то, что въ концѣ IV в. усилившійся натискъ варваровъ на имперію заставлялъ до нельзя напрягать государственныя силы и что церковь не могла остаться совсѣмъ незатронутой общественными бѣдствіями <sup>3)</sup>, всетаки имущественный иммунитетъ церкви послѣ Юліана реставрировался въ еще болѣе ограниченномъ видѣ.

Дѣйствительно, церковническое правительство Гонорія пошло на освобожденіе церкви отъ чрезвычайныхъ налоговъ, но эту уступку едва ли есть основаніе объяснять тѣмъ, что уже къ концу царствованія Θεодосія наступили сравнительно спокойныя годы для имперіи. Вѣрнѣе—это были результаты воздѣйствія церкви, пріободрившейя послѣ суроваго правленія Θεодосія. Вереница постановленій Гонорія въ этомъ смыслѣ <sup>4)</sup> увѣнчивается закономъ 412 г. <sup>5)</sup>, въ которомъ вновь перечисляются *munera sordida* (и *extraordinaria*?) Это—постройка мостовъ, ремонтъ путей, издержки на императорскихъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ, поставка войску проводниковъ и подводъ. Отъ нихъ церкви признаются свободными. Но *canonica illatio* продолжаетъ тяготѣть на нихъ <sup>6)</sup>.

Императоръ Θεодосій II (на Востокѣ) подтвердилъ свободу церкви отъ *munera sordida*, но при этомъ характерно сѣзнулъ объемъ послѣднихъ. Постройку мостовъ и дорогъ онъ не включаетъ въ составъ «чорныхъ» повинностей <sup>7)</sup>.

1) *Sane rerum extraordinariorum munus ab omnibus omnino... esse poscendum...*

2) Это: 1) *Pollinis conficiendi cura.* 2) *Panis excoctio.* 3) *Pistrini obsequium.* 4) *Palaveredorum et parangariorum praebitio.* 5) *Operarum et artificum diversorum praebitio.* 6) *Calcis coquendae obsequia.* 7) *Adjumenta. scil. carpenta, vehicula, juncturas, vecturas materiis etc. subvehendis.* 8) *Materia, lignorum et tabulatorum praebitio.* 9) *Carbonis praebitio.* 10) *Publicarum vel sacrarum aedium construendarum cura seu sollicitudo.* 11) *Viarum et pontium constructionis sollicitudo.* 12) *Capituli et temonis necessitas.* 13) *Sumptuum praebitio seu collatis legatis et allectis.*

3) Ер. Михаилъ, *op. cit.* 90: *Grashof—Das kirchliche Vermögen unter den röm. Kaisern* въ *Archiv für Katol. Kirchenrecht.* 1876. VI Heft, s. 325.

4) 29 *Cod. Theod.* XVI. 2: 30 *C. Th.* XVI. 2; 21 *Cod. Th.* XI, 16.

5) 40 *Cod. Th.* XVI, 2.

6) *Quod adventiciae necessitates sarcina repentina depoposcerit.*

7) 6. *Cod. Th.* XV, 3. «*Absit, ut nos instructionem viae publicae et pontium strata-*

Это распоряженіе даетъ понять, что и предшествующій законъ Гонорія, скорѣе всего, тоже не имѣлъ въ виду *munera extraordinaria* по отношенію къ церкви *вообще*. Такой широкой иммунитетъ получила тогда только специально римская церковь, какъ исключеніе<sup>1)</sup>. Подобнымъ образомъ и Θεодосій II отдѣльнымъ церквамъ жаловалъ исключительныя изъятія. — Такова его оговорка въ XI, 1, 33, относительно Θεσσαλονικійской церкви, которая считается неподлежащей даже *обычнымъ* налогамъ. (*sacrosancta Thessalonicensis ecclesiae civitatis excerpta*). Но это проявленіе *личной милости императора*<sup>2)</sup>. Въ данномъ случаѣ не важно, каковы были мотивы такого особаго благорасположенія Θεодосія къ Θεσσαλονικійской церкви: то ли, что она была *μητήρ πάσης Μακεδονίας*, то ли, что она особо пострадала отъ варваровъ<sup>3)</sup>. Необходимо отмѣтить лишь, что здѣсь выражалось не отношеніе даннаго императора ко всей церкви, а специальная милость къ одной изъ ея частей. Онъ даже особенно настойчиво подчеркиваетъ, что пожалованіе никоемъ образомъ не можетъ распространяться на инныя церкви или имѣнія частныхъ лицъ. При этомъ оно имѣетъ въ виду лишь *tributa ecclesiae*, а не *tributa externorum*, т. е. не касается того, что находится внѣ обладанія Θεσσαλονικійской церкви. Такія же изъятія Θεодосій II въ 436 г. пожаловалъ епископіи Афродизійской (въ Каріи)<sup>4)</sup>.

На Западѣ послѣ смерти Гонорія власть захватилъ Іоаннъ, аріанинъ, который уничтожилъ всѣ привилегіи католической церкви. Установленное затѣмъ правительствомъ Плакидіи — Валентиніана III, по сообщенію Баронія, реставрировало *status quo ante*, но въ весьма общихъ выраженіяхъ. И имѣются здѣсь въ виду *munera extraordinaria* и *sordida* — или же одинъ изъ этихъ видовъ, догадаться нѣтъ возможности. Объясненіе дѣла (у Баронія), что законъ 425 года<sup>5)</sup>

---

*rumque operam, titulis magnorum principum dedicatam, inter sordida munera numeremus. Igitur ad instructiones reparationesque itinerum pontiumque nullum genus hominum nulliusque dignitatis ac venerationis meritis cessare oportet. Domos etiam divinas ac venerandas ecclesias tam laudabili titulo libenter adscribimus.*

1) Cod. Th. 21, XI, 16.

2) «*Jta tamen, ut aperte sciat propriae tantummodo capitationis modum beneficio mei Numinis sublevandum, nec externorum gravamine tributorum rempublicam ecclesiastici nominis abusione laedendam.*»

3) См. Grashof. op. cit. 329.

4) Cod. Th. XI, I, 37.

5) Cod. Th. XVI, 2, 46. *Privilegia praeteritarum legum ecclesiae sive clericis delata, servantur.*

направленъ былъ противъ мѣропріятіи погибшаго Іоанна, мало приемлемо и потому, что этотъ законъ адресованъ на имя проконсула Африки и имѣеть въ виду африканскія церкви. Но послѣднія не были затронуты аріанствомъ Іоанна, такъ какъ власть его въ Африкѣ не признавалась и тамъ самостоятельно управлялъ Бонифацій. Скорѣе — эти распоряженія вызваны были донатистскими неурядицами, продолжавшимися въ Африкѣ<sup>1)</sup>. Другой законъ, изданный въ томъ же году, гласитъ: «*Privilegia ecclesiarum omnium, quae saeculo nostro tyrannus (Iohannes) inviderat, prona devotione revocamus, scilicet ut quidquid a divinis principibus constitutum est, vel quae singuli quique antistites pro causis ecclesiasticis impetrarant, sub poena sacrilegii jugi solidata aeternitate servantur*»<sup>2)</sup>. И здѣсь опять такъ мало опредѣленности въ выраженіяхъ, можетъ быть, умышленно расплывчатыхъ и легко растяжимыхъ въ любую сторону.

По крайней мѣрѣ правительство Валентиніана III и позднѣе не проявляло прямого и открытаго благорасположенія къ церкви. Скорѣе этотъ императоръ склоненъ былъ сокращать церковныя привилегіи<sup>3)</sup>.

Относительно Юстиніана въ исторической литературѣ господствуетъ мнѣніе, что онъ отмѣнилъ распоряженія Валентиніана. Съ перваго взгляда его узаконенія на этотъ счетъ какъ будто подтверждаютъ это предположеніе. «*Ad haec, провозглашаетъ онъ*<sup>4)</sup>, *sancimus, ut omnium sanctissimarum ecclesiarum et reliquarum venerabilium domuum possessiones neque sordida munera neque extraordinarias descrip-*

1) Ср. Cod. Th. XVI, 5, 63 и 64.

2) С. Th. XVI, 2, 47.

3) Въ 440 г. онъ постановляетъ: «*Neminem ab angariis vel parangariis vel plaustri vel quolibet munere excusari praecipimus, cum ad felicissimam expeditionem nostri Numini omnium provincialium per loca, qua iter arripimus, debeant solita nobis ministeria exhiberi, licet ad sacrosanctas ecclesias possessiones pertineant*». Съ этимъ любопытно сопоставить слѣдующее разъясненіе о мунера sordida того-же императора: — «*An forte contumeliosum putandum est, inventum contra rationem nomen munerum sordidorum, quo instauratio militum virorum, quo armorum fabricatio, quo murorum relectio, quo apparatus annonae, quo reliqua opera, per quae ad splendorem reipublicae distinctionis pervenitur, prava appellatione censentur, sine quibus nullus maximarum rerum procedit eventus, quorum adminiculo statum pariter ac decus tuemur imperii? . . . Императоръ т. о., продолжая старую традицію, пытается формулировать свое право по своей волѣ расширять или суживать объемъ понятія мунера sordida и, формулируя, приходитъ къ неприложимости этого термина къ общественнымъ повинностямъ. Отсюда онъ выводилъ необходимость подчиненія указаннымъ тяготамъ и церкви. Не посягая открыто и официально на уничтоженіе иммунитета церкви, Валентиніанъ косвеннымъ образомъ и фактически лишилъ церковь ея привилегій.*

4) С. I. 1, 2, 22; Nov. 131.

tiones (διαγραφάς) sustineant». Но дальше оказывается, что — «si tamen itineris sternendi aut pontium aedificii vel reparationis opus fuerit, ad instar aliorum possessorum hujusmodi opus et s. ecclesias et venerabiles domos complere, dum sub illa possident civitate, sub qua tale fit opus». Т. е., если окажется *необходимость* въ постройкѣ и ремонтѣ мостовъ, путей сообщенія, то и церкви, какъ и всѣ остальные поссессоры, обязаны исполнять эту работу, если только церковь имѣетъ владѣніе въ округѣ того civitas, въ которомъ такую работу нужно произвести (т. е. если владѣнія церкви не относятся къ разряду экзимированныхъ: это чрезвычайно важное замѣчаніе!). Это добавленіе заключаетъ въ себѣ не отмѣну распоряженія Валентиніана, а только болѣе искусно выраженное подтвержденіе его. Имунность церкви въ границахъ *munera sordida* и при Юстиніанѣ продолжала висѣть въ воздухѣ.

Въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, Василикахъ и Синописахъ, мы видимъ повторенія постановленій Юстиніана объ имунитетѣ церкви. Есть расхожденія въ мелочахъ, но они совершенно несущественны. Изъ изученія этого законодательнаго матеріала возможно придти лишь къ тому выводу, что *императорское правительство, начиная съ самаго IV в., не проявляло никогда явственной склонности ни расширять имунитетъ церкви, ни неослабно стоять на стражѣ ея (фактическаго наблюденія)*. Наоборотъ, начиная съ императора Констанція, оно старалось съузить составъ тѣхъ изъятій, которыми пользовалась церковь *ipso jure*, или давать ограничивающія права церкви толкованія этихъ изъятій, а то и прямо намѣчать условія, при которыхъ пріостанавливалось дѣйствіе привилегій. Законодательство Юстиніана не было, какъ видимъ, переломной эпохой въ исторіи церковнаго имунитета: оно не внесло ничего новаго въ эту область. И до него, и при немъ, и послѣ него имунитетъ церкви протекалъ тонкой и мелкой струей, еле отстаивая самое свое существованіе, въ дѣйствительности то и дѣло обрываясь и изсякая. Въ силу какихъ условій возобладало такое отношеніе правительства къ преимуществамъ церкви, здѣсь мы разслѣдовать не будемъ. Я имѣлъ въ виду лишь показать, насколько чужды и далеки другъ отъ друга — этотъ колеблющійся и полузасыхающій имунитетъ церкви и та яркая, полная мощи эккуссія, вопросомъ о происхожденіи которой мы заняты. Послѣ всѣхъ предшествующихъ наблюденій положительно нѣтъ основаній помѣщать эти два явленія — въ одной общей плоскости. Эккуссія не могла развиться изъ имунитета; она и не смѣняла собой его.

Иммунитетъ церкви и клира и экскуссия монастырей жили и развивались рядомъ. Въ мутной и колеблющейся дѣйствительности, конечно, явленія эти могли приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, даже путаться, поскольку монастыри были все-таки религіозными учрежденіями. Но создавашіеся, особенно съ VI в., все въ бѣльшемъ количествѣ и все въ бѣльшихъ размѣрахъ монастыри получали и свои богатства, и привилегированное, «самоправное» положеніе (экскуссію) не потому, что они причислялись къ учрежденіямъ церкви, а потому, что создавались они ктиторами особаго рода: самими императорами или лицами, располагавшими особой близостью къ правительству и еще потому, что монашество, какъ соціальное образованіе, съ очень раннихъ поръ заняло совершенно особое положеніе въ жизни имперіи. Уже въ V в. многочисленное и организованное, оно руководитъ императорскимъ правительствомъ, аннулируетъ рѣшенія вселенскихъ соборовъ, а далѣе анархизируетъ церковный строй, разстраивая все болѣе епископское управленіе. Не оставаясь на подробностяхъ, напомню выступленія объединеннаго монашества на константинопольскихъ соборахъ 431, 448, 449 гг., грозныя движенія палестинскаго, египетскаго и сирійскаго монашества противъ «халкидонской реформациі» 451 г. Монашество вмѣшивается властно въ политическую жизнь, въ вопросъ о престолонаслѣдіи. Даже самъ Юстиніанъ неуклонно считается съ требованіями могучаго «монастырства» и отводитъ ему въ своемъ законодательствѣ особое вниманіе. Стоятъ пересмотрѣть писанія Іоанна Ефесскаго, Созомена, Θεодорита, агиографію VI—VII вв., чтобы убѣдиться въ томъ, что «монастырство» даетъ тонъ всей жизни. Именно VII-е столѣтіе въ Византіи и можно назвать настоящимъ монашескимъ царствомъ. Поскольку же, до извѣстнаго времени, по крайней мѣрѣ, монастыри и императорскому правительству представлялись «особо вѣрными и чистыми руками», постольку оно продолжало проявлять къ нимъ уступчивое отношеніе, и так. обр. складывалось исключительное ихъ положеніе въ государствѣ, какого не могли занять даже прежніе носители крупнаго землевладѣнія, *viri potentis*. Не XI—XII вв., отъ которыхъ идутъ извѣстныя намъ хрисовулы, были эпохой наивысшаго расцвѣта «монастырства», а VI—VII вв.: тогда среди политическихъ смуть, соціального хаоса, хозяйственнаго оскудѣнія и культурнаго огрубѣнія — монастыри пріобрѣтали необыкновенное значеніе. Монахи, ведшіе, какъ это выразилъ еще Юстиніанъ, почтенную жизнь, приводившую въ непосред-

ственное соприкосновеніе съ Богомъ, полезную для всего государства въ силу святости ихъ и молитвъ, возносимыхъ къ Богу, становились, руководящимъ социальнымъ элементомъ. Особая стойкость монастырей обуславливалась еще и тѣми порядками и укладами, на которыхъ строилась монастырская жизнь. Только здѣсь были элементы благоустроенія, организованности, общительности и сотрудничества, только здѣсь въ складѣ и движеніи жизни была цѣлесообразность и сознательность, только здѣсь, наконецъ, было общее подчиненіе опредѣленному закону и власти.

Все это, характеризуя своеобразное положеніе монастырей въ имперіи передъ такъ называемымъ «Иконоборчествомъ», убѣждаетъ въ томъ, что позднѣйшую эккуссію, какъ она предстоить въ хрисуволахъ, нѣтъ основаній отрывать отъ этой старинной «самоправности» монастырей. Это, — несомнѣнно, различныя фазы или моменты все одного процесса. Но между данными моментами залегли и значительныя измѣненія въ общемъ социально-политическомъ укладѣ имперіи, а также нѣсколько разъ загоравшаяся борьба государства — правительства съ этими успѣхами диссоціаціи. Побѣда оставалась не на сторонѣ государства, но все таки задерживался, пріостанавливался и полный разливъ феодалныхъ силъ. Появленіе хрисуволовъ знаменовало собой явственное суженіе и убыль монастырской привилегированности и мощи. Прежняя нерасчлененная и хаотическая (или кажущаяся намъ таковой за отсутствіемъ императорскихъ грамотъ отъ того времени) эккуссия сжимается до отчетливо ограниченной и канцелярски расчерченной, дипломированной эккуссіи. Въ этомъ хочется, не безъ основаній, усматривать живучія послѣдствія той грандіозной реформаціонной попытки, въ общемъ правда потерпѣвшей пораженіе, попытки, носящей названіе Иконоборчества,

† Константины Успенскій.

*Отъ Редакціи.* Редакція выражаетъ крайнее сожалѣніе о преждевременной смерти К. Н. Успенскаго. Его любовь къ изученію экономическихъ и социальныхъ условій Византійской имперіи подавала надежды на разрѣшеніе очень важныхъ проблемъ.